

Сергей Георгиевич Донской

Капитан разведки

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=280892
Капитан разведки: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21909-4*

Аннотация

Фашиствующая группировка «Феникс», тайно руководимая депутатом Антоненко, устроила крупный теракт. Взлетел на воздух пассажирский состав, погибли люди. ГРУ стало известно, что в преддверии предстоящих выборов депутат собирается провести еще ряд терактов, чтобы поднять свой рейтинг обещаниями покончить с террором. Майору спецназа ГРУ Михаилу Хвату нет дела до политики, ему надо спасти людей. И в первую очередь нужно найти и ликвидировать склад взрывчатки, который охраняют боевики группировки. А времени на поиски уже нет, очередной теракт – завтра...

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	11
Глава третья	22
Глава четвертая	28
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Донской

Капитан разведки

Глава первая

В современной России действует несколько десятков нацистско-фашистских организаций, издается большое количество националистической, расистской, ксенофобской литературы, в Интернете существует не менее 150 соответствующих сайтов и электронных изданий. Раскол самой крупной российской правоэкстремистской партии Русское национальное единство (РНЕ) привел к созданию 12 разрозненных группировок, насчитывающих от 100 до 1000 активных членов. Всего, по данным разведуправления, в подобных организациях состоит 50–70 тыс. молодых людей, в том числе свыше 20 тыс. так называемых скинхедов. Если в 1997 г. национал-фашисты пользовались симпатиями 1,5–2 % населения России, то в настоящий момент за них готовы проголосовать до 5 процентов избирателей.

Из доклада пресс-секретаря ГРУ Генштаба РФ на заседании Комиссии Общественной Палаты по вопросам толерантности и соблюдения прав человека.

* * *

Многотонный механический монстр «Владимир Ленин» – магистральный электровоз серии «ВЛ» – приближался к Москве, таща за собой двадцать пять пассажирских вагонов. Вскоре за Подольском он начал сбрасывать скорость. Все ожесточеннее лязгали сцепления, тормозные колодки все чаще обхватывали горячие стальные колеса. Машинист Приваров потряс одуревшей от грохота головой, готовясь удвоить внимание. Вот-вот начнется путаница железнодорожных путей с юркающими туда-сюда маневровыми тепловозами, депо, сортировочными горками, перронами пригородных станций, возле которых нужен глаз да глаз. Москва – город хлебный, в нее стремятся все кто ни попадя, в том числе тысячи пьяных, от которых все беды на железной дороге.

– Анна Каренина еще ладно, ее можно понять, – проворчал Приваров, вглядываясь в даль. – Баба, чего с нее возьмешь? Но чего этим алкашам проклятым не хватает, которые сами под колеса лезут? На чекушку всегда выклянчить можно, на улице тепло, едоки они никудышные: им корочку хлеба дай – на целый день хватит. Отчего же им на белом свете не живется, вот как нам с тобой? – Машинист Приваров изобразил бровями нечто вроде пары вопросительных знаков, весьма мохнатых и корявых.

Его молодой помощник, практикант Неделин, на жесткой, курчавой шевелюре которого не могла удержаться ни одна форменная фуражка, подставил лицо встречному ветру и глубокомысленно произнес:

– Смысла жизни не видят, натурально.

– А я так думаю, что гайки пора закручивать, вот и все, – сказал Приваров.

– Тележку перекосило? – обеспокоился Неделин, прислушиваясь. – Или раму кузова?

– С локомотивом полный порядок, Андрюха. Месяц как из капремонта. А вот государство подразболталось.

– Поправим, дядя Саша. Будет как часики функционировать.

– Ну-ну.

По выражению лица Приварова было заметно, что он не разделяет уверенность помощника. Государственный механизм налаживать – это вам не электровоз чинить. Тут заменой трансформатора и пневмооборудования не обойдешься. Протерев тряпкой лобовое стекло, он сверился с показаниями приборов, подрегулировал тягу и покрепче обхватил рукоять контроллера.

– Да не напрягайтесь вы так, – посоветовал Неделин. – Одним бомжем больше, одним меньше. Какая разница?

– Грех на душу не хочу брать, вот какая разница, – буркнул Приваров.

– Э, дядя Саша! Человек предполагает, а бог располагает.

– И что с того?

– А то, что никто от неприятностей не застрахован. Наша жизнь, как тот поезд, натурально. Трясешься-трясешься всю дорогу, а потом вдруг бац – и приехали.

– Куда? – спросил Приваров, не отличавшийся живостью ума.

– На конечную остановку. Станция Дерезайка, кто тут лишний, вылезай-ка.

– Дерезайка? В первый раз слышу.

– Это образ такой, натурально. Конец пути. Тупик. – Для наглядности Неделин показал, как он упирается лбом в невидимую преграду. – С вещами на выход – и полете-е-ели.

– Что значит «полетели»?

– А то и значит. На свет в конце туннеля. Как те мошки.

Станный разговор нравился машинисту все меньше и меньше.

– Не знаю, куда ты там летаешь с мошками заодно, – угрюмо произнес он, – не знаю, куда следуешь по жизни, а лично я в свободное от работы время предпочитаю не по туннелям шляться, а дома сидеть, так-то.

– Ой ли? – дерзко воскликнул Неделин.

Приваров почесал затылок:

– Ну, в магазины, конечно, выбираюсь, на базар, опять же. Свежим воздухом при любой погоде дышу. Так что моя конечная станция еще далеко. Здоровье у меня отменное, не сомневайся. Гимнастикой по утрам занимаюсь, потом еще этой... йогой, как ее там? Хатхой, во.

– Ой ли? – повторил Неделин.

Припомнив, как опасно шелкали у него суставы во время последних занятий, Приваров насупился. Ну ее, эту йогу, к азиатскому лешему. Что индийцу здорово, то русскому – смерть, особенно не очень молодому русскому. Хорошо ли будет, ежели приступ радикулита скрутит хотя бы в позе лотоса? Жена совсем помешалась на этой гимнастике, готова целыми днями на голове стоять да на пупе вертеться, а в койку ее не затащишь. Вот тебе и йога. Лучше на пару «Камасутру» проштудировать, или как ее там? Собираясь в рейс, Приваров из любопытства приобрел себе книжонку с таким названием, пролистал, заинтересовался. Выполнять супружеский долг ему нравилось куда больше, чем павлина из себя изображать или индийским козлом по комнате скакать. Он, может быть, мужчина и не очень молодой, но еще далеко не старый.

– Ты, Андрюха, не повторяй одно и то же, как попугай, а слушай, что старшие говорят, – сказал Приваров после некоторого раздумья. – Что касемо твоих мошек в конце туннеля, то на свет летать – их мелкое насекомое предназначение. Мы ж с тобой люди как-никак. Нам же с тобой не крылья, а руки дадены. Чтобы работать, значит.

– Вы не понимаете, – занервничал Неделин. – Я просто сравнил жизнь с дорогой. Мы думаем, что до смерти еще ого-го, а она тут как тут, курносая.

– Ну и где же она, твоя смерть?

– Рядышком бродит. Настигнет, мало не покажется. Р-раз, и под откос.

– Типун тебе на язык, Андрюха, – рассердился Приваров. – Вот уж балабол так балабол. Мошки какие-то... Откос... Дерезайка... Сам туда поезжай, коли приспичило. А мне – прямо. Домой, в город-герой Москву, столицу нашей родины... не в Дерезайку твою зачуханную... Тебе там самое место, как я погляжу. Вот накатаю на тебя «телегу» за то, что вчера весь состав без питьевой воды оставил, будешь тогда знать.

Неделин смекнул, что тему беседы пора менять, чтобы не портить отношения со своим непосредственным начальством. С работой в Москве туго, а без работы вообще никак.

– Если в кране нет воды, – сказал он, – значит, выпили... Ну, сами знаете кто.

– Вода на станции как раз была, – возразил Приваров. – Никто ее не выпил. Другое дело, что кому-то было не до выполнения прямых обязанностей, потому что ему, видите ли, балаболить с пассажирками из третьего вагона приспичило. И кто виноват? Пушкин? Сионисты? Или, может, лица кавказской национальности?

– Хари небритые, а не лица.

– Это у кого как, парень. Российские алкаши и бомжи, знаешь, не каждый день бреются.

– Так не от хорошей жизни! – завелся Неделин. – Нашего брата обувают все кому не лень, вот мы и бедствуем. В шоу-бизнесе Эйзенштейны прописались, рынки под азерами и прочими чучмеками, цыгане наркотой чуть ли не в открытую торгуют. Гитлера на них нет, вот что я вам скажу. Порядок нужен. Новый.

Высказавшись таким образом, Неделин победоносно взглянул на машиниста, не сразу сумевшего выдавить из себя:

– Это кто ж тебя надоумил?

– Есть умные люди.

– Постой-постой... Ты, часом, не с фашистскими ли нынешними снюхался?... С теми, что нынче в телевизоре опять замелькали? – Глаза машиниста, устремленные на железнодорожную колею, превратились в пару щелочек, из которых сквозил неприязненный холодок. – На днях один такой в прямом эфире чуть ли не с националистическим воззванием выступил, другой хмырь свою овчарку надрочил лапу вверх вытягивать, «хайль Гитлер», мол. От с-сука.

– То не сука была, а кобель, – авторитетно возразил Неделин. – Я эту передачу тоже видал. Если бы сука, то у ней бы елда между ног не торчала.

– Да я не про собаку, а про ее дрессировщика хренового... Псих-одиночка. Все эти националисты – психи, Андрюха. Уроды, шуты гороховые. Цирк сгорел, а клоуны остались.

– Ха, клоуны! Над Гитлером тоже поначалу потешались: и усики у него уморительные, и ходит вразвалочку, как натуральный Чарли Чаплин. Да только недолго публика веселилась. Гитлер потом всем такую козью морду скорчил, что чертям в аду тошно стало.

– Вот же дурья башка! – Приваров сплюнул в сердцах.

– Гитлер? – возмутился Неделин. – Да он полмира покорил!

– Ты, ты дурень, Андрюха, ежели фашистским байкам веришь. Они, германцы, миллионы человеческих душ загубили, нет им прощения.

– Да я не с ними. Я как раз с нашими патриотами, с натуральными россиянами.

– Херня! – отрезал Приваров. – Нынче каждая сволочь в патриотизме клянется, а на деле только и мечтает, как бы где воду замутить, чтобы в той мутной водице рыбки наловить поболее. Держись от этой нечисти подальше, парень. Погубят они тебя, скинхеды лысоголовые.

– Какой же я скинхед? – усмехнулся Неделин, оглаживая свою буйную шевелюру. – И никакой я не скинхед вовсе. Так просто, идеями разными интересуюсь. Веяниями.

– Тех веяний, которых ты поднабрался, в любом общественном сортире хватает. Ты лучше свежим воздухом дыши, неиспорченным. Вот этим. – Приваров кивнул в сторону открытого окна, за которым синело ярко-голубое сентябрьское небо.

Неделин высунулся наружу, набрал полную грудь воздуха, зажмурился. Хорошо ему стало. Ветер полоскал волосы, высекал слезы из глаз. Навстречу неслись телеграфные столбы, и казалось, что один из них вот-вот снесет голову с плеч, но, поскольку этого не происходило, душу переполнял невыразимый восторг. Неделин любил жизнь, любил риск, и родину он тоже любил, хотя на свой манер.

– Шир-рока стр-рана моя р-родная! – дурашливо проорал он, перекрикивая грохот колес, после чего занырнул в кабину и доверительно признался: – Я, дядя Саша, Россию похлеще многих люблю, не сомневайтесь. Потому и не хочу, чтобы просторы наши всякой иноземной шелупони принадлежали. Мы, русские, должны сами своими богатствами владеть, натурально. А то понаехали отовсюду чебуреки всякие и командуют. С нас, бляха, хватит. Мы им спуска не дадим. Подхватим президентскую инициативу. И с рынков вытурим, и с других теплых мест.

– Кто это – «мы»?

– Кто надо, – буркнул Неделин, сердясь на себя за то, что чересчур уж разоткровенничался с машинистом. Ясно же было сказано: взгляды свои до поры до времени держать при себе, понапрасну не возникать, про свою связь с Организацией на людях не распространяться.

Да и не до разговоров было: пришло время активных действий.

– Пойду похезаю, – сказал Неделин, поворачиваясь к Приварову спиной.

– Так санитарная зона ведь, – недовольно напомнил тот. – О российских просторах на словах заботимся, а на деле изгадить их до самого горизонта норовим.

– Брюхо свело. Нет мочи терпеть.

«Пора вносить свою скромную лепту в общий котел победы», – подумал Неделин и поспешно покинул кабину локомотива.

* * *

Запершись в служебном туалете, он взглянул на свои дешевенькие корейские часы. До условного срока осталось чуть меньше десяти минут. Вполне достаточно времени, чтобы проделать все как положено, без суеты и спешки.

Несколько раз проведя алюминиевой расческой по волосам, Неделин посмотрел на свое отражение, мысленно прощаясь с привычной прической. Уже сегодня вечером он пройдет обряд посвящения, заключающийся в том, что поручившийся за него товарищ обреет ему голову наголо настоящим эсэсовским кинжалом, отточенным до бритвенной остроты. С того момента Неделин перестанет быть никому не нужным дерьмом, болтающимся в проруби, а пристанет к определенному берегу. Больше его никто не посмеет обидеть – ни старый, ни малый. У Организации длинные руки, как говорит Вагнер. Правда, пока что Неделин знал лишь пятерку, в которую был включен на правах новичка, проходящего свой испытательный срок. Всего таких пятерок насчитывалось неизвестно сколько, но своих можно было опознать издали.

Все носили куртки-бомберы с нашивками на спинах или рукавах, ремни с тяжелеными пряжками и якобы декоративными цепями, перстни, кованные армейские ботинки. Если слушали музыку, то непременно «Штурм», «Радагаст», «Дивизион», «Крэк», «Террор». Если читали, то журналы «Под ноль», «Белое сопротивление» и «Отвертка».

Неделин был горд и счастлив принадлежать к этому братству. Вообще-то он подозревал, что *его* партия «Феникс» не так многочисленна, как хотелось бы, но все еще впереди. Это даже хорошо, что социал-патриотов пока что мало. Есть возможность выделиться на общем фоне. Для этого нужно только быстро и четко выполнять приказы. Вагнер тоже, небось, раньше в «шестерках» ходил, а теперь вот командир, приказы которого выполняются

без пререканий и колебаний. Чем Неделин хуже? Однажды и у него появится своя пятерка, и его приказы тоже будут выполняться беспрекословно. А в каждой пятерке по боевой девчонке, которой близок дух российского патриотизма. Ей скамандуешь: становись раком, она и станет – одна, другая, третья... И никто из них не отважится ни над невзрачным росточком Неделина посмеиваться, ни над его заячьими зубами, ни над его голимыми джинсами с пузырящимися коленями.

«Молч-чать, – то ли прошипел, то ли мысленно распорядился он, тараща глаза, как заправский фюрер. – С-сосать всем!.. Всем с-сос-сать у меня, ш-шлэндры!»

Воображаемые девчонки дружно упали на четвереньки и поползли к своему новому повелителю. По обыкновению, первой оказалась бойкая брюнетка, похожая на обеих «Татушек» сразу. Глазенки сверкают, губенки влажные, ротик горячий – хорошо! И минуты не прошло, как Неделин получил полное удовлетворение. Поощрительно потрепав любимицу по маленькой головке, он снова взглянул на часы, сполоснул руки и снял с пояса телефонную трубку, снабженную отростком антенны. Вчера, вручая ее, Вагнер предупредил, что с мобильником расставаться нельзя даже на минуту.

«Тяжеловатая, – пожаловался Неделин, взвешивая тяжелую трубку на ладони. – Маленькая, но в кармане носить неудобно».

«Почему это?» – прищурился Вагнер.

«Дискомфорт».

«Дискомфорт – это когда задница на месте головы, и наоборот. Их поменять местами недолго, Андрюшенька. Желаете убедиться?»

Неделин не пожелал. Однако странный мобильник не внушал ему доверия.

«Для чего антенна? – спросил он. – Прошлый век. Сейчас с такими машинами даже пенсионеры не ходят».

«Да? – усмехнулся Вагнер. – А если на шару?»

«Чего-чего?»

«На шару, Андрюшенька. Даром, бесплатно. Кто от такого подарка откажется?»

«Ну не знаю, не знаю», – с сомнением пробормотал Неделин.

«Зато я знаю, – заявил Вагнер. – Недаром же говорят: на шару и укус сладкий. А если его еще и подсахарить?»

«Это как?»

«А вот представь себе праздник. Рок-концерт, народные гулянья, парад...»

«Все-таки концерт или парад?» – решил уточнить Неделин.

Вагнер оставил вопрос без внимания.

«А в толпе наши люди телефончики желающим раздадут, – продолжал он, глядя в пространство, где, как нетрудно было догадаться, разворачивались описываемые события. – Акция, мол, проводится. Презентация новой компании и прочая муйня. Телефон бесплатный и звонки бесплатные тоже... ну, скажем, на протяжении месяца. В любую точку земного шара».

«И что?» – заинтересовался Неделин.

«А то, Андрюшенька. Все проще пареной репы, которая тебе башку заменяет. – Вагнер засмеялся, но не обидно, не издевательски, а с чувством легкого превосходства и, кажется, сочувствия. – Вникай. Для того чтобы волшебный телефончик заработал, необходимо зарегистрироваться. Ну, связаться с оператором в указанные сроки. Допустим, с десяти утра до десяти пятнадцати...»

«Утра или вечера?»

«Какая, хрен, разница?»

«Где ты видал рок-концерты по утрам? – рассудительно произнес Неделин. – Да и гулянья... Даже петарды не попускаешь, не говоря о фейерверках».

По непонятной причине Вагнер ужасно развеселился, заслышав про петарды с фейерверками, а потом вдруг стал серьезным, насупил и сказал, играя желваками:

«Короче. Спрячь трубку подальше и береги как зеницу ока. На подъезде к вокзалу свяжешься со мной. Но не при посторонних, заруби себе на носу...»

* * *

Неделин зарубил. Теперь, запершись в туалете и проделав все необходимые манипуляции с трубкой, он прижал ее к уху и услышал подозрительное шебуршание, словно там, внутри, копошились какие-то отвратительные насекомые типа сороконожек. Тембр гудков вызова был неприятный, какой-то пронзительный, с подвизгиванием.

– Алло, алло, – зачастил Неделин, чувствуя себя крайне неудобно.

А что, если ему не удастся связаться с Вагнером в назначенное время? Это будет тот самый случай, когда длинным рукам Организации не обрадуешься, совсем наоборот. Они, эти длинные руки, так умеют обрабатывать нарушителей дисциплины, что только держись. Борьку Карташова, помнится, так отметили, что он до сих пор мочится кровью и вздрагивает при каждом резком звуке.

– Алло, алло...

«Ту-ут, – завывало в трубке сквозь шебуршание. – Ту-ут». По коже Неделина ползли мурашки. Но стоило ему хорошенько дунуть в телефон, как в нем, словно по волшебству, возник искаженный помехами голос:

– На связи, Андрюшенька.

Неделин обрадовался Вагнеру, как родному.

– Вот, звоню, как договаривались, – отрапортовал он.

– Не ори.

– Я не ору, – стушевался Неделин. – Просто уже три минуты второго.

– Подъезжаете, значит? – уточнил Вагнер.

– Значит, подъезжаем.

– Перрон хорошо видишь?

– Откуда? – засмутился Неделин. – Я ж из сортира звоню. В целях конспирации.

– Умный парень, – похвалил Вагнер. – Рассудительный, исполнительный, цены тебе нет. Такие, как ты, надежда и гордость нашей нации.

– Скажешь тоже...

– Ну-ну, не скромничай, не скромничай. Скоро тебе воздастся по заслугам, очень скоро, обещаю. А пока отключи телефон и жди. Я сейчас перезвоню.

– Но мне на рабочее место нужно. Я должен...

Вагнер не дослушал. Трубка умолкла. Чертыхнувшись, Неделин бросил взгляд на свое зеркальное отражение и поразился его непривычной желтизне. Натуральный голландский сыр с глазами, а не лицо. Тьфу, смотреть тошно! И на душе кошки скребут. С чего бы это? Вспомнились странные рассуждения Вагнера про раздачу бесплатных телефонов. Как-то это связано с сегодняшним заданием, но как именно? Эх, скорей бы все кончилось. Не ожидал Неделин, что обычные телефонные переговоры могут выматывать сильнее ночной вахты в локомотиве.

Он выглянул в окно, окрашенное белым не до самого верха. Мимо проплывала наводненная людьми платформа: головная часть поезда начала втягиваться под навес перрона. Женский голос как раз равнодушно известил граждан пассажиров о его прибытии, когда трубка в руке Неделина пропиликала первые такты полонеза Огинского.

Вздрагнув от неожиданности, он поспешно нажал нужную кнопку и приготовился поднести телефон к уху. Этот жест так и остался незавершенным, как и все остальное, что намеревался совершить Андрей Неделин в будущем.

Будничная картина за окном раскололась и разлетелась на осколки, словно по ней ударили огромным невидимым молотом. Полыхнуло оранжево-огненным: до того слепящим, до того ярким, что после этого все сделалось черно-белым, как на мутной нецветной фотографии, где и не разглядеть-то ничего толком. Стекло провалилось внутрь, выдавленное обжигающим смерчем, частично оплавившись, частично изрешетив охнувшего Неделина осколками.

Взрыв? Это был взрыв?

Размазанный по стенке, с вылезшими из орбит глазами, с кровью, хлещущей из ушей, он так и не понял, что услышал в последнее мгновение – оглушительный громовой раскат или звенящую тишину. Не понял он также, что видит перед собой – непроглядный клубящийся мрак или невыносимо резкий свет, пробивающийся сквозь дым.

Примерно через час, когда фрагменты его тела были извлечены из покореженного взрывом вагона и присоединены к останкам прочих жертв теракта, телефонная трубка по-прежнему находилась в сжимающей ее руке, хотя сама рука была отделена от трупа. Головы Неделин тоже лишился – такой доверчивой, такой наивной и бестолковой.

Обладателю этой головы так и не удалось узнать, каково это – быть скинхедом. Возможно, оно и к лучшему. Если, конечно, в этой истории было хоть что-то хорошее.

Глава вторая

В Киеве при загадочных обстоятельствах скончался гражданин России И. Назаров, подвергшийся зверскому избиению в подъезде жилого дома. Милиция рассматривает различные версии и склоняется к мнению, что Назаров стал жертвой хулиганов или грабителей. Однако брошенный на месте преступления фонарик вьетнамского производства заставляет вспомнить, как и при каких обстоятельствах Назаров оказался в Киеве. В фашистских кругах этот человек не нуждается в представлении. Издатель газеты Национально-освободительной партии «Наша жизнь», основатель так называемой «Белой церкви», бывший преподаватель МГУ и последовательный «освободитель мира от жидомасонского ига», он был обвинен в причастности к взрыву общежития вьетнамских студентов, после чего скрылся от следствия, попросив «политического» убежища у «помаранчевых» властей Украины. Назарова приютили. Но уберечь не смогли. Между тем, по странному стечению обстоятельств, Министр обороны РФ на вчерашней пресс-конференции счел необходимым напомнить, что Главному разведуправлению Генштаба поручено уничтожение террористов в любой точке мира. По его словам, соответствующие приказы давно отданы, и вся система работает в этом направлении. На вопрос журналиста, не является ли убийство Назарова делом рук спецподразделения ГРУ, министр ответил общими фразами о неотвратимости справедливого возмездия, однако отрицать такую возможность не стал.

Заметка «По законам военного времени» в газете «Киевский бульвар».

* * *

Катя недолго любила свою фамилию. Да и как могло быть иначе? Какой женщине приятно представляться Катериной... Хват...

– Хват? – переспросят. – Гм, очень приятно.

А на самом деле ничего в этом приятного и хорошего нет. Как нет ничего хорошего в бесцельном одиноком существовании, когда только и остается, что пялиться в телевизор, листать дурацкие журналы или мечтать, мечтать, мечтать... О чем? Ну хотя бы о том, как в один прекрасный день Катя сменит опостылевшую фамилию на какую-нибудь другую, более благозвучную. Впрочем, не в благозвучности дело. Был бы муж, а остальное приложится. Тягостно, почти невыносимо жить без мужского плеча рядом, на которое можно опереться в трудную минуту.

А таких трудных минут в сутках хватает, за вычетом времени, проведенного во сне или хлопотах по хозяйству. Когда же что-нибудь переменится к лучшему? И когда соизволят появиться непутевый брат Михаил, о котором вот уже две недели ни слуху ни духу? Вечно пропадает где-то, вечно занимается какими-то подозрительными делишками, темнит, недоговаривает, отмалчивается, отшучивается. Утверждает, что работает экспедитором. Ну не совсем экспедитором, а еще и охранником по совместительству. Сопровождает грузы. Наверное, хорошо сопровождает, раз платят ему такие деньжищи. В последний раз, отправ-

ляясь куда-то на юг, снабдил Катю весьма внушительной суммой, а по возвращении одарил добавкой.

Жаль только, что из командировки брат привез не только премиальные, но и незнакомую девчонку по имени Алиса. Представил ее как невесту, приобнял за талию, предложил любить и жаловать. А с какой стати Кате ее любить, за что жаловать? За то, что повисла на шее старшего брата? За то, что, как выяснилось, она замужем? За строптивый нрав, упрямство, невыносимый характер, стремление во всем настоять на своем?

Не ужилась Катя с Алисой под одной крышей, да и могло ли быть иначе? Двум хозяйкам в доме тесно, как бы они ни пытались приноровиться друг к другу. Алиса не очень-то и пыталась. Катя, по правде говоря, тоже. Кончилось тем, что брат, уставший от бесконечной кухонно-бытовой междоусобицы, снял квартиру и съехал. С вещами и так называемой невестой. И что теперь? Одной куковать в четырех стенах?

Нервно прикурив сигарету, Катя уселась перед телевизором, перетасовала пультом каналы, задержалась на выпуске новостей.

– Общее число жертв позавчерашнего теракта на Курском вокзале увеличилось, – сообщила дикторша, столь холеная, столь лощеная, что искренность ее скорбной мины вызывала сомнение. – За минувшую ночь в Институте скорой помощи имени Склифосовского скончалось еще четверо пострадавших. Специалисты утверждают, что взрыв был произведен с помощью коротковолнового приемопередатчика. – Дикторша выдержала небольшую паузу, давая возможность осмыслить информацию. – Взрывное устройство, спрятанное то ли среди багажа на платформе, то ли в одном из вагонов, сдетонировало, в результате чего многие были ранены и убиты. Следствие по факту теракта продолжается. Мы будем следить за развитием событий.

«Мы тоже», – подумала Катя, переключаясь на неведомо какую серию неведомо какой мыльной оперы. Только и остается, что следить за развитием событий. Не отрываясь от экрана. Безвылазно сидя дома. Безрезультатно дожидаясь звонка от брата, который обещал помочь устроиться на хорошую работу, а сам всецело поглощен своей ненаглядной Алисой.

Не докурив сигарету до половины, Катя потушила ее в пепельнице и вставила в рот новую. В телевизоре какой-то зализанный латиноамериканец предлагал руку и сердце пышной красотке, прячущей под подушкой портрет другого латиноамериканца, седого и уса-того. Молодой, кстати говоря, тоже имел возлюбленную на стороне, которая позвонила ему в самый неподходящий момент. Началось бурное выяснение отношений. «Как же ты мог, Энрико?» – надрывалась Жужу голосом немолодой дублерши, явно поднатюренней в домашних скандалах. Находись брат дома, он непременно потребовал бы приглушить звук, но его здесь не было, и Катя, назло ему, увеличила громкость.

Словно уловив ее настроение, он позвонил. Поздоровался, для порядка отметил, что бабье лето выдалось на редкость жаркое, после чего недовольно осведомился:

– Что за душераздирающие крики у тебя там? Все сериалами забавляешься?

– Чем же еще, – перешла в наступление Катя. – Больше нечем.

– Почитала бы, что ли, – сказал брат.

– Обязательно. Книгу про то, как быть сестрам, которых не любят братья.

– Я тебя люблю. Ты знаешь.

– Не знаю, – возразила Катя. – Ты меня бросил на произвол судьбы. Я себе места не нахожу. Хотя бы на часок заглянул ради приличия. – В ее голосе зазвучали просительные интонации. – Приезжай, Миша. Я пирожков напеку. Твоих любимых.

– С капустой? – спросил брат.

– Ну да.

– Сегодня не получится.

– Почему? – поскучнела Катя.

– У меня важная встреча.

– Твои важные встречи мне известны. На диване с Алисой. С утра до вечера.

– Ошибаешься, – сказал брат. – Сегодня собираюсь переговорить со старым знакомым по поводу твоего трудоустройства.

– Кто такой?

– Ты с ним незнакома. Алексей Истомин его зовут. Хороший мужик, на днях открыл новую фирму, набирает сотрудников. Думаю, мне он не откажет. – Тут брат кашлянул, то ли для солидности, то ли от смущения. – Так что готовься к трудовым свершениям.

– Всегда готова, – просияла Катя, – как комсомолка.

– Как пионерка, сестренка. Это пионеры были всегда готовы. Комсомольцы есть требовали.

– Не припоминаю такого.

– Ну как же. Партия сказала: «Надо», комсомол ответил: «Е-есть!» Жрать то есть.

– А, – усмехнулась Катя. – Будущие младореформаторы.

– Они самые, – подтвердил брат.

На экране телевизора возник крупный план рыдающей красоти. Слезы, стекающие по ее щекам, были неправдоподобно большими, но тушь с ресниц не текла. Вспомнив, что пора обновлять косметические запасы, Катя сменила тон.

– А что за вакансии у твоего знакомого? – спросила она.

– На месте разберемся, – ответил брат.

– Потом заедешь?

– Лучше перезвоню.

– Кому лучше?

Уловив нотки отчаяния в Катином голосе, брат поспешил с неуклюжими утешениями:

– Ты как вообще? Нормально?

– *Ненормально*, Миша. Совсем *ненормально*.

– Деньги еще остались? Не голодаешь?

– Денег пока хватает, – сказала Катя, – а вот человеческого тепла, участия...

Брат смутился.

– Я на предмет участия, гм, как-то не очень...

– Это потому что все твое внимание сосредоточено на чужой жене, – завелась Катя, – а до родной сестры тебе и дела нет.

– Она не чужая жена, она моя невеста.

В заявлении брата проскользнула неуверенность. Словно он успокаивал сам себя, хотя без особого успеха. Катя усмехнулась. Недолго музыка играла, недолго братец танцевал. Все вернется на круги своя. Взрослому мужчине надоест нянчиться с молоденькой девчонкой, он возьмется за ум и возвратится в тихую семейную гавань.

– Ты слышала? – с вызовом спросил Хват.

– А как же, – ответила Катя.

– Вот и прими к сведению.

– Уже приняла. Только бросишь ты ее, Мишенька, все равно бросишь. Помяни мое слово.

– Спецназовцы своих не бросают.

– Ох как высокопарно! А экспедиторы?

Не найдясь с ответом, брат закашлялся. Решив, что с него хватит, Катя смягчила голос.

– Так ты перезвонишь? – спросила она.

– Сразу, как только переговорю с Истomiным.

– Тогда я буду ждать, – сказала Катя.

Привычное занятие. Такое привычное, что волчицей выть хочется.

– До связи, сестренка, – сказал брат и положил трубку.

– До связи, братик, – прошептала Катя и принялась вытирать слезы, неизвестно когда и почему выступившие на глазах.

Ох уж эти мыльные оперы! Из-за них вечно глаза на мокром месте! Выключив телевизор, Катя ничком упала на диван и уткнулась лицом в подушку.

* * *

Пятница продолжалась, светило солнце, над всей Москвой простиралось безоблачное небо, но с запада надвигался сплошной облачный вал, вздымавшийся от края до края горизонта. О том, что грядет с облаками, не ведал никто, хотя многие прохожие задирали головы к небесам, пытаясь определить свои ближайшие перспективы. Гроза ли обрушится на город, или же улицы снова заполнятся гарью лесных пожаров, той сизой мглой, от которой учащается пульс, а в глазах темнеет, как перед приступом удушья? «Лучше бы гроза», – рассуждали москвичи. Словно к их мнению кто-то прислушивался.

Тверская шумела на тысячи голосов, струилась потоками машин, пестрела иностранными вывесками: тут тебе и «Саламандер», и «Хьюго Босс», и «Россини». Глаза разбегались, как на венецианском карнавале, однако настоящего праздничного настроения не было, улыбочные прохожие попадались редко, уличные кафе по большей части пустовали.

В одном из таких сидели двое, прихлебывая пиво из запотевших бокалов. Алый зонт, под которым они расположились, не внушал доверия обоим. Очень уж он напоминал раздувшийся парус. Подхватит ветром и унесет вместе со столиком к черту на кулички – и поминай, как звали.

– Обязательно было меня в эту забегаловку приглашать? – спросил один из мужчин, кривя крупное, заметное лицо. – Мог бы и на «Арагви» расщедриться. – Кивнув в сторону ресторана, он добавил: – Там, говорят, сам Лаврентий Палыч сживал.

– С Берии не сдирали по пятьдесят баксов за жесткий шашлык с бокалом столового вина, – заметил его спутник, звали которого Михаилом Хватом. Он чувствовал себя у всех на виду неуютно, однако со стороны казался вполне умиротворенным и довольным жизнью, хотя его ленца была напускной, как у большого кота, который никогда не бывает сыт настолько, чтобы не начать очередную охоту. Было бы на кого. – Кроме того, я предпочитаю дышать свежим воздухом, – добавил Хват, глотнув пиво, а мысленно добавил: «Особенно, когда финансы поют романсы».

– Свежими выхлопными газами мы здесь дышим. – Скептически настроенный мужчина демонстративно отвернулся, разглядывая прохожих сквозь непроницаемо-черные очки. – Угар в чистом виде. Це-о-два.

– Просто це-о, – обронил Хват. – Оксид углерода.

Смотрел он на своего собеседника без тени заискивания или подобострастия, хотя тот явно перегнал его на социальной лестнице. Алексей Истомин – именно так звали крупнолицего – относился к той категории граждан, которые не любят бесцельно шляться в людных местах. Если уж пешие прогулки, то не дальше, чем от дверцы собственной иномарки до порога ближайшего банка, офиса или магазина. Среди прочих посетителей уличного кафе он бросался в глаза, как жук в муравейнике. Очень уж солидно упакован: костюм под стать воротиле с Уолл-стрит, водонепроницаемые часы с корпусом и браслетом из титана, платиновая зажигалка «Dunhill», как бы невзначай выложенная на стол. Кстати, ключи от автомобиля знакомый Хвата тоже не поленился извлечь из кармана и теперь рассеянно поигрывал ими, бросая взгляды по сторонам.

Казалось, он был таким импозантным всегда, может быть, даже с детских пеленок, но это было ошибочное впечатление. Алексей Истомин родился самым обыкновенным маль-

чиком и до того, как занялся бизнесом, бизнесом и ничем другим, кроме бизнеса, он даже в защитниках отечества некоторое время походил, вернее, полетал, будучи военным вертолетчиком.

* * *

Проходя службу в Чечне, Истомин узнал, как допрашивают пленных боевиков, отстреливая им по одному пальцы на руках или срезая им кожу со ступней, прежде чем вывести босиком на утреннюю прогулку. Он понял, почему слово «зачистка» звучит в Закавказье страшнее всяких армагеддонов и концов света, которыми священники пугают людей, не видавших ужасов войны. Он выяснил, что вернувшийся из боя человек, несущий несусветную околесицу, не обязательно поддат, обколот или обкурен – это просто своеобразная реакция на окружающее безумие. Разве легко сохранить рассудок в мире, где от тебя самого и от каждого из твоих боевых товарищей в любой момент может остаться лишь грудa кровавого фарша, уместающегося в обычном ведре? В мире, где русским парням перерезают глотки, как баранам, и счастливчиком считает себя тот, кому предварительно не отпилили конечности, не выкололи глаза, не оторвали мошонку...

Их «Ми-28» сбили неподалеку от грузинской границы. Истомин и его командир при падении не погибли благодаря надежной системе пассивной защиты вертолета, способной погасить удар о землю с вертикальной скоростью до двенадцати метров в секунду. Основу этой системы защиты составляли неубирающиеся в полете шасси с двухкамерной амортизационной стойкой и энергопоглощающие кресла. Однако топливный бак вертолета взорвался раньше, чем летчикам удалось отбежать на безопасное расстояние. Истомин отделался контузией и легкими царапинами, а командиру посекло ноги обломками обшивки.

Оставалось лишь гадать, кто раньше поспеет на место падения «двадцать восьмого» – чеченцы или русские. Обмотав голову курткой, Истомин пробрался в кабину горячей машины, где обзавелся пистолетом и аптечкой. Когда он вернулся к командиру, тот был белым как мел, а его кровоточащие ноги распухли до чудовищных размеров. Чтобы он не умер от болевого шока, пришлось вколоть ему две ампулы промедола, и Истомин с задачей справился, хотя и делал уколы первый раз в жизни.

Было холодно. Перевязав бредящего и сотрясаемого лихорадкой командира, Истомин тихо заплакал, размазывая по лицу грязь и копоть. Он не знал, что делать дальше. Он прислушивался к бреду командира и гадал, сумеет ли застрелить его и себя самого, когда появятся чеченцы.

Тут-то и подоспели эти ребята, оказавшиеся, как выяснилось позже, спецназовцами. Теми самыми, из ГРУ. Настоящими, не опереточными. Старшим у них был капитан Хват – и по званию, и по возрасту. Именно он осмотрел раненого, поцокал языком и, вытащив нож, заявил:

– Придется избавляться.

– Ты в своем уме? – истерически закричал Истомин. – Соображаешь, что говоришь? Мы не дикари, чтобы своих резать.

– Болван, – проворчал Хват, ловко вспарывая штанины раненого, заскорузлые от крови. – За кого ты меня принимаешь?

– Значит, ногу командиру отчекрыжить хочешь?

– Не моя профессия. Это пусть хирурги решают, когда возвратимся.

– Тогда от чего ты избавляться собираешься?

– От осколков, парень. Всего-навсего от осколков. Чтобы заражения не было.

– Понял, теперь понял, – обрадовался Истомин.

– Это хорошо, что ты такой сообразительный, – ухмыльнулся Хват, не скрывая иронии. – Помощником будешь.

– Я?

– Ты, ты. Ну-ка, вставь товарищу ремень между зубов, чтобы не покрошил их по запарке. И руки ему держи, руки.

Истомин выполнил требуемое, после чего жалобно сморщился, услышав истошное:

– Уй, бллля-а-АААА!..

Командир вертолета, не проявлявший до сих пор никаких признаков жизни, моментально пришел в себя, как только лезвие ножа принялось расширять первую рану, ища засевший в ляжке осколок. Еще не стих поток его неистовой брани, когда Хват, вытащив из рукояти ножа нечто вроде щипчиков, ухватил окровавленный кусок металла и резко рванул его на себя. Раненый пронзительно взвыл, выгнулся сначала назад, затем так же резко вперед. Из раны хлынула кровь.

Операция, напоминавшая Истомину экзекуцию, повторилась несколько раз. Двое спецназовцев, бесстрастно наблюдая за действиями своего капитана, дружно рвали оболочки на индивидуальных медицинских пакетах, разматывали бинты, сноровисто промокали кровь. Третий вытаскивал патроны из отстегнутого автоматного рожка. Сам Хват, закончивший операцию, невозмутимо закурил, держа сигарету таким образом, чтобы не перепачкать ее окровавленными пальцами.

– Нашел время! – взвизгнул Истомин, едва удерживающий мечущегося от боли командира. – Уши без курева опухли, что ли?

– Сбавь обороты, братишка, – посоветовал ему Хват, – а то как бы мне не пришлось заняться твоими собственными ушами... Что касается сигареты, то пеплом засыпают мелкие раны, усвоил?

– А крупные – порохом, – сообщил другой спецназовец, склоняясь над ногами раненого с двумя открытыми патронами.

На протяжении последующих двух минут Истомин всецело сосредоточился на выполнении двух важнейших задач. Во-первых, не позволял командиру вырваться из своих объятий. Во-вторых, прилагал все силы для того, чтобы не грохнуться в обморок. Не случилось ни того, ни другого, хотя ему было тогда всего двадцать четыре года, и это была первая настоящая переделка, в которую он попал.

К тому моменту, когда закончилась операция, к месту падения вертолета успели подтянуться чеченские боевики, и начался затяжной бой, до конца которого Истомин молился лишь о том, чтобы не попасть в плен. Он был настолько благодарен Хвату, вытащившему его из чеченского пекла, что имел неосторожность поклясться ему в вечной дружбе и оставить ему свои координаты. Теперь за великодушие приходилось платить, как приходится платить почти за все ошибки молодости. Кто он Истомину, этот Хват? Не брат и не сват, хотя, будь он даже сватом или братом, его неожиданное появление вряд ли обрадовало бы упитанного, прекрасно одетого мужчину, давным-давно демобилизовавшегося из военно-воздушных сил по состоянию здоровья и начавшего совершенно другую жизнь, наполненную новым смыслом.

* * *

Он преуспел в этой новой жизни, очень преуспел. На его брелоке красовалась эмблема «Alfa Romeo», а часы носили фирменное клеймо «Omega Seamaster», стоили они 2175 долларов, и теперь, взбреди Истомину в голову такая странная идея, он мог бы нырнуть с часами на руке хоть на трехсотметровую глубину, чего, конечно, никогда не делал и делать не собирался. Его главные интересы были сосредоточены здесь, на земле, где он неустанно делал

деньги, деньги и ничего, кроме денег, поскольку те стали для него смыслом жизни. Приглашение офицера спецназа застало его врасплох, он, как и любой российский предприниматель, постоянно испытывал страх перед силовыми структурами, но, пообщавшись с Хватом, Истомин понял, что тот выступает всего лишь в качестве просителя, и теперь наслаждался возможностью подчеркнуть свое превосходство.

Почему бы не пустить пыль в глаза нищему вояке? И почему бы не помуржить его немного, томя неизвестностью? Пусть мучается и завидует.

– Нет, ты только погляди на это чудо природы, – воскликнул Истомин, направив черные очки на урезанные до минимума девичьи шортики, проплывающие мимо. – Оказывается, на улицах еще встречаются вполне приличные экземпляры!

Хват тоже проследил за удаляющимися шортами и пожал плечами:

– А где же им быть?

– Ты кого имеешь в виду? – рассеянно спросил Истомин, в поле зрения которого попали сразу две юбчонки, одна короче другой.

Можно было заподозрить, что его очки снабжены устройством рентгеновского видения, как в том знаменитом шпионском фильме, где герой использовал их для обнаружения оружия у охранников в казино.

– Я имею в виду экземпляры, как ты выразился, – пожал плечами Хват. – Где же им шлаться, как не по Тверской?

– Ну, есть много разных мест, – тонко улыбнулся Истомин. – Хотя, признаюсь, здешние особи здорово поднимают жизненный тонус. Помнишь, такая хорошая песня была?.. Из полей... гм, уносится печаль, из души... гм, уходит прочь тревога... – Отметив, что его баритон привлек внимание присутствующих, он перебросил руку через спинку стула и оттопырил нижнюю губу.

– Честно говоря, я пригласил тебя не старые песни о главном обсуждать, а новые, – сказал Хват, отодвигая почти полный бокал. – О вакансиях в твоей фирме. Ты сказал, что набираешь штат. Найдешь место для моей сестры? – Пересиливая себя, Хват улыбнулся. – Опыт работы в коммерческих структурах у нее небольшой, но есть высшее образование, она умна и исполнительна. Моего поручительства для тебя достаточно?

– Пых... – Истомин занялся прикуриванием сигареты и выдерживал долгую паузу до тех пор, пока не сделал первую затяжку. – Пф-фу... Ты просишь меня на правах человека, спасшего мне жизнь?

– Забудь об этом. Никого я не спасал. Просто оказался в нужное время в нужном месте. Тебе повезло, вот и все.

– В таком случае буду говорить напрямик... Не возражаешь?

Хват медленно качнул головой:

– Нет.

Истомин отвел взгляд.

– Твоя рекомендация работает не на сестру, а против нее, – выдохнул он с дымом вперемешку.

Стиснутые скулы Хвата непроизвольно дернулись:

– Почему?

– Потому что ты служишь людям, которые всячески препятствуют моему бизнесу, – заявил Истомин. – Мы по разные стороны баррикад. Я хочу преуспевать, а государство и его опричники норовят ободрать меня как липку.

– Во-первых, я не людям служу, а отечеству...

– Фи, как высокопарно!

«Опять, – отметил про себя Хват. – Уже второй раз за сегодня. Что за чертовщина? Стоит произнести что-нибудь от души, как тебя принимают за позера. Что произошло с обычным русским словом «отечество»? Или что произошло со всеми нами?»

– Ладно, родине я служу, – поправился Хват. – Так доходчивей?

– Нет, но не обращай внимания. Говори, я слушаю.

Истомин демонстративно уставился на очередную девушку. Давал понять, что люди, служащие родине, отечеству или отчизне, ему неинтересны. Вот длинноногие создания, расхаживающие по улицам, другое дело. Хват посмотрел на истоминские очки и поймал себя на желании сорвать их и забросить подальше. Он жалел, что обратился за помощью к Истому, но не привык останавливаться на середине пути. Сказавши «а», говори «б», иначе так и прозаикаешься всю жизнь, так и протопчешься на одном месте.

– Во-вторых, – сказал Хват, упрямо наклоня голову, – в настоящий момент я сам по себе.

– Уволился? – оживился Истомин. – Или вышибли?

«Не твое собачье дело», – вот что вертелось на языке. Но Хват сумел найти более обтекаемую формулировку:

– Неважно. – Он пристукнул бокалом по столу, привлекая внимание засмотревшегося на прохожих собеседника. – В-третьих, даже если бы я оставался кадровым офицером ГРУ, это никоим образом не помешало бы твоему бизнесу, Алексей. Ты меня за стукача держишь?

– Нет, конечно, что ты! – Истомин даже руками замахал, отмечая подобные предположения. – Но пойми меня правильно. А вдруг эта твоя Елизавета...

– Катерина, – подсказал Хват.

– Я и говорю: Катерина... А вдруг она захочет пооткровенничать с кем-нибудь из твоих дружков? А те, в свою очередь, передадут сказанное дальше?

– У нас в ГРУ не держат сплетников. И мы никоим образом не контактируем с налоговиками и прочими сотрудниками фискальных служб. Кроме того, повторяю, я ручаюсь за сестру. Ты мне веришь?

– Тебе – да, – кивнул Истомин. – И если бы работу искал ты, то я бы взял тебя, не колеблясь. – Он встрепенулся. – Слушай, а ведь и правда, давай ко мне, а? Старая гвардия не подведет, тогда как с доморощенными секьюрити сплошная морока. – Истомин раздавил окурок в пепельнице и скривился, понюхав испачканные пеплом пальцы. – Уму-разуму их учи, одевай, обувай, бирюльки разные покупай ящиками. Себе же дорожке выходит.

Хват нахмурился:

– А на мне, выходит, сэкономить можно?

– Да не о том речь, чудак-человек. Я тебе такой оклад положу, что сестренке твоей и работать не придется. – Истомин навалился грудью на стол. – Шефом моей службы безопасности хочешь?

– Нет, – качнул головой Хват.

– Но не в компаньоны же тебя брать, не в партнеры!

– Да, компаньонов из нас не получится, Алексей. Это ты верно подметил.

– А тебе обидно, да?

Истомин погрозил пальцем и захихикал, сделавшись абсолютно не похожим на того пилота, который много лет назад казался вполне нормальным парнем, заслуживающим скупых похвал и дружеских рукопожатий. Смерив его внимательным взглядом, Хват сказал:

– Пожалуй, напрасно я тебя побеспокоил.

– Напротив. Я очень рад нашей встрече. И готов помочь тебе, чем смогу. Но как?

– Я сказал как. Отвечай прямо: да или нет?

Истомин поправил очки таким образом, чтобы его глаза скрылись за непроницаемыми стеклами. Вместо зрачков – два солнечных блика, поди догадайся, что там за ними происходит.

– В принципе, против кандидатуры твоей сестры я ничего не имею...

– Продолжай, – буркнул Хват, оставив попытки разглядеть глаза собеседника. Пришлось сосредоточить внимание на брелоке в его руках, представлявшем собой миниатюрный щит с синим ободком. Внутри красный крест и многократно изогнутый зеленый змей, возможно, тот самый, библейский, но без всякого яблока в пасти.

– Но услуга за услугу, – вкрадчиво произнес Истомин. – Ты, насколько я понял, присягой не связан и службой не обременен?

– Да, – подтвердил Хват.

– Значит, найдешь время выполнить одно маленькое поручение личного характера. Не бесплатно, разумеется.

– Это зависит от того, что именно ты у меня попросишь.

– Не попрошу, – перешел на шепот Истомин, – а закажу. Слышал такой термин? Зака-зять. – Он нервно щелкнул пальцами. – Ну, бывают заказчики, а бывают исполнители... Намек понятен?

– Более чем, – произнес Хват, глаза которого превратились в две смотровые щели.

– Вот и отлично! Ты мне, я тебе. Рука руку моет.

– Какая какую?

– Не валяй дурака, – скривился Истомин. – Ты хочешь пристроить сестру на теплое местечко, а я хочу, гм, чуточку расширить сферу своего бизнеса. Короче, есть у меня конкурент, которого лучше бы не было. Совсем. Я достаточно ясно выражаюсь?

– Достаточно, – подтвердил Хват. – Настолько ясно, что оторопь берет.

– Спецназовца? Оторопь?

– А спецназовцы, по-твоему, не люди?

– Люди, конечно, люди. Но специфической породы...

– Это какой же?

– Ну, есть волки, а есть овцы, – поторопился с пояснениями Истомин. – Первые занимаются тем, что режут вторых. Хищнический инстинкт.

– Кажется, он у меня начинает просыпаться, – признался Хват.

– Так это же хорошо!

– Ты уверен?

Короткий вопрос поставил Истомина в тупик. Заглянув в глаза собеседнику, он подумал, что ничего хорошего там не наблюдается. Волки, они не только овец режут, а и пастухов, людей то есть. Опасный народ. С ними нужно быть начеку.

– Ну вот, набычился, кулаки сжал, желваками играешь! – Истомин укоризненно покачал головой. – Сам же вызвал на откровенность, а теперь злишься. Нехорошо. Никто ведь не насилует ни тебя, ни твою сестру. В третьем тысячелетии от рождения Христова живем. Свобода выбора, Михаил, полная свобода. Хочешь быть преуспевающим, будь им. Нет? Ступай на помойку рыться или на паперть.

– Это ты *мне* советуешь? – усмехнулся Хват, напоминая, что лично он обедками не питается и с протянутой рукой не стоит.

Смерив его долгим взглядом, Истомин отвел свои очки в сторону.

– Дело хозяйское, – буркнул он. – Будем считать, что разговор не состоялся. Что касается твоей сестры, то у меня есть ее резюме, и если она понадобится, то с ней свяжутся. Но это вряд ли. От желающих устроиться на работу отбоя нет, вот их сколько, выше крыши! – Судя по взмаху ладони, критический уровень проходил над самой макушкой Истомина. – Давай на этом и остановимся.

– Тут вы совершенно правы, господин бизнесмен, – раздался голос, – самое время остановиться, а то как бы чего не вышло.

* * *

– А? – Истомин резко, до хруста шейных позвонков, повернулся к человеку, столь бесцеремонно вмешавшемуся в чужой разговор.

Расположившись за соседним столом, тот с удовольствием слизывал мороженое с ложечки и безмятежно продолжал:

– Я говорю, поосторожней на поворотах, Алексей Петрович. Конкурентов нынче заказывать опасно стало, хоть и в третьем тысячелетии от рождества Христова живем, как вы изволили выразиться. Сговор с целью покушения на убийство – это вам не числящийся в угоне итальянский автомобиль с перебитыми номерами. За него и к ответу привлечь могут.

Перехватив ироничный взгляд, брошенный незнакомцем на брелок с эмблемой «Alfa-Romeo», Истомин моментально завелся. С пол-оборота, как мотор его чудесной машины.

– Что за хамство такое! – вскричал он, призывая Хвата разделить свое негодование. – Кажется, мы никого не просили вмешиваться в наш разговор!

Несмотря на высокомерный тон, он чувствовал себя не в своей тарелке. Откуда этому подозрительному типу известно его имя-отчество? Когда он успел изучить двигатель его иномарки? Почему ухмыляется так, словно знает об Истомине значительно больше, чем может быть известно человеку постороннему и совершенно незнакомому? Комитетчик? Чересчур ушлый борзописец из какой-нибудь бульварной газетенки? Или же это лишь прелюдия к тому опасному процессу, при упоминании о котором сердце любого российского бизнесмена невольно уходит в пятки... Неужели наезд?

– Я Реутов, – представился мужчина, как бы прочитав тревожные мысли, проносящиеся в истоминской голове. – Полковник спецназа Главного разведывательного управления Генштаба России. Любить и жаловать не прошу, поскольку вы, Алексей Петрович, никого, кроме себя самого, не любите и не жалуете. Даже тех, кто имел глупость спасти вам жизнь.

– Так вы знакомы? – догадался слегка смутившийся Истомин, переводя взгляд с загадочного полковника на своего ухмыляющегося визави.

– Сейчас проверим... Узнаешь меня, сугубо штатский человек? – С этими словами полковник подмигнул Хвату, пересел к нему поближе и отправил в рот очередную порцию мороженого.

– На склероз пока что не жалуюсь, – откликнулся Хват, уже не просто ухмыляясь, а радостно скалясь.

Внешне они были совершенно разными, но тем не менее оба казались слепленными из одного и того же теста – одинаково обожженные солнцем, обдутые одними и теми же ветрами, повидавшие похожие виды, вынесшие сходные испытания. Зато сам Истомин внезапно почувствовал себя обрюзгшим, неуклюжим и нелепым, чего с ним до сих пор не случалось. Он резко встал. Скрежет отодвинутого стула привлек внимание официанта. Парень, уже давно бросавший неодобрительные взгляды на компанию мужчин, засидевшихся за своими четырьмя бокалами пива, приблизился к ним, чтобы без особой почтительности осветить:

– Желаете рассчитаться?

– Еще пива желаем, – безмятежно заявил Хват.

– Что к пиву? – осведомился официант, нетерпеливо гарцующий на месте. В своей полосатой жилетке он чем-то напоминал зебру, готовую припуститься вскачь.

– Что велят, то им и принесешь, уважаемый, – вмешался Истомин, выкладывая на стол две пятисотрублевые купюры. – Угости моих товарищей на славу.

– Убери это, – тихо потребовал Хват. – Мы привыкли пить за свой счет.

– И жить, – добавил полковник.

Губы Истомина сами собой скривились в жалкой улыбке. Вместо того чтобы смерить сидящих высокомерным взглядом, он зачем-то спросил:

– Тогда я пошел?

– Пошел-пошел, – подтвердил Хват. – Мелкими шагами. Я уже давно хотел тебя об этом попросить, да мне все казалось, что передо мной боевой летчик сидит, а не денежный мешок.

В голове Истомина промелькнула мысль о том, что ему ужасно не хочется покидать кафе, а хочется как раз вновь занять свое место под парусиновым тентом, рядом с выжидающе глядящими на него мужчинами. Осушить одним духом бокал пива, можно даже два. А еще лучше тяпнуть водочки, поговорить в хорошей компании о том о сем, предложить Хвату свою бескорыстную помощь, может быть, даже денег дать взаймы, хотя об этом вроде разговора не было... Если бы в ответ на его сбивчивое прощание позвучало предложение остаться, он так бы и поступил, но никто его не задержал, и Истомин пошел к своей дорогой машине, которая впервые в жизни показалась ему не таким уж ценным приобретением. Во всяком случае, гораздо менее ценным, чем та мужская дружба, которой он так и не обзавелся.

Глава третья

Три фактора создали базу для распространения фашистской идеологии в молодежной среде России: экономический кризис, развал системы образования и психологический шок. За годы либеральных реформ в стране выросло новое поколение – асоциальное и маргинальное. Как и предполагали наши аналитики, это сопровождалось катастрофическим взлетом подростковой преступности, наркомании, токсикомании, алкоголизма, проституции, эпидемиями венерических заболеваний. По нашим рекомендациям в России была свернута антифашистская пропаганда, тогда как мемуары Гитлера и его соратников по-прежнему издаются массовыми тиражами. Таким образом, развитие национализма продолжается, что особенно заметно в крупных промышленных центрах, где наиболее заметно социальное расслоение. Борьба с так называемыми скинхедами на государственном уровне почти не ведется. Их жертвами ежегодно становятся до 500 выходцев из Кавказа, Средней Азии и стран третьего мира. Отмечается некоторая избирательность по городам. В Москве скинхеды нападают в основном на африканцев и индийцев, в Петербурге – на африканцев, непальцев, китайцев, в Нижнем Новгороде – на беженцев из Таджикистана. Везде милиция относится к подобным инцидентам снисходительно, редко возбуждая уголовные дела.

Из меморандума сектора «Джи» Восточного Департамента ЦРУ по идеологическому воздействию на массовое сознание.

* * *

– Как вы меня нашли, товарищ полковник? – спросил Хват, когда они остались одни.

Он даже и мысли не допускал о том, что эта встреча случайна. Столкнуться в Москве с человеком, которого ты видел лишь однажды где-то у черта на куличках, почти нереально. Тем более после несанкционированного чеченского рейда. Разворошить генеральское гнездо штаба Северо-Кавказского округа – не шутка. Наверняка та эпопея до сих пор аукается в коридорах власти. За ликвидацию командира бандформирования Хвата могут наградить орденом, а могут и под суд отдать, это уж как повезет. Или его вообще решили ликвидировать как нежелательного очевидца событий?

Заметив настороженность в глазах собеседника, Реутов укоризненно покачал головой:

– Зря ты на меня волком глядишь, капитан. ГРУ своих не выдает, не беспокойся. Я говорю о тех, кто действительно свой. Не о тех деятелях, что переквалифицировались в киллеры или антикиллеры, зарабатывая деньги на чужой и собственной крови.

– Вы не ответили на мой вопрос, – напомнил Хват, контролируя малейшее движение собеседника.

Реутов безмятежно улыбнулся:

– Дурацкий он, твой вопрос. Наша контора, конечно, не та, что прежде, но уж человечка разыскать – раз плюнуть. В особенности если человечек этот не бегаёт, не прячется, а на съемной квартире прозябает, хотя у него имеется собственная жилплощадь.

– Мне не нравится, когда меня называют человечком, – произнес Хват.

– А мне не нравится, когда от меня подлянки ожидают, – парировал Реутов. – Я же насчет твоих подвигов в курсе был, забыл, что ли?

– Все подвиги в прошлом.

– Но не в слишком далеком, а?

Хват перешел в наступление.

– Пока Чеченская республика, – сказал он, – является частью России, никто мне не запретит туда ездить.

– И в походы ходить, – благожелательно покивал Реутов. – В туристические.

– Вот именно, товарищ полковник.

– А вдоль маршрута мертвые с косами стоят... И тишина...

– Не знаю, не видел, – стоял на своем Хват.

– Я тоже не видел, капитан, – перешел на шепот Реутов. – Зато знаю.

– Вы о чем?

– О том самом. Когда один ростовский генерал-лейтенант скоропостижно скончался в собственном кабинете, мы сразу смекнули, чьих это рук дело. Но разве ж тебя заложили, капитан, разве ментовке или конторе сдали? И разве хоть одна падла тебе на хвост села?

Хват без обиняков признался:

– Хотелось бы ответить на ваши вопросы отрицательно, да не могу. Не верю я в случайные встречи и совпадения. Так меня учили. Сели на хвост. Плотно.

Реутов досадливо крикнул:

– Да, наблюдение за тобой пришлось установить, а как же иначе. Только мы все это время не только тебя не трогали, но и прикрывали на всякий пожарный случай. Что бы там ни было, ты для нас свой. Во всех отношениях. Сам знаешь, что это значит.

– Ладно, вопрос с повестки дня снимается, – усмехнулся Хват. – Но вместо него возникает другой. – Его веки слегка прикрылись, пряча блеск глаз. – Вы, товарищ полковник, постоянно множественное число упоминаете: мы, нас. Кто имеется в виду? От чьего имени вы говорите?

– Сам соображай от чьего. Я ведь, в отличие от тебя, капитан, не запасной игрок, а действующий.

– Уж не в ЦСКА ли?

Шутка Реутову не понравилась.

– Команда моя как называлась ГРУ, так и называется, – отчеканил он.

– Я на штрафной скамье, – напомнил Хват. – Вернее, дисквалифицирован.

– Ну а я в тренажах хожу, – не без гордости объявил Реутов. – В играющих.

– А если без эзопового языка?

– С недавних пор я возглавляю отдел, и если справлюсь с поручением, то, глядишь, генералом заделаюсь. – Влажные от пива губы полковника расплылись до ушей. – Важный этап антитеррористической операции мне поручен, операцию ту держат на контроле в Кремле, а все самые крупные звезды на погоны, как известно, именно оттуда сыплются.

– Что же вы в таком случае по тверским кафешкам шляетесь? – спросил Хват, злясь на себя за то, что потерял бдительность, проворонив слежку.

– Вот решил с тобой кое о чем перекалякать. Но для начала поясни мне, зачем ты связался с этим мурлом, которое тут тебе мозги полоскало? С какой радости тебя в бизнес потянуло? – окончание тирады было произнесено с брезгливой гримасой, словно Реутов рассуждал о чем-то непристойном или даже позорном.

– Если вы в курсе, товарищ полковник, то я из Чечни не в одиночку выбирался, а с девушкой. Ее Алисой зовут, по паспорту она жена того самого Никиты Сундукова, который ее боевикам за долги продал. – Помявшись, Хват признался: – Она, дурочка, воображает, что меня любит, так что мы живем вместе. А сестра сидит в четырех стенах и дуется. Вот я и решил составить ей протекцию, пристроить на теплое местечко. Теперь жалею.

– Не беда, – философски заметил Реутов. – Зато небось катаешься, как сыр в масле. Двойной женской лаской окружен, как тот султан.

Высказав такое предположение, полковник безмятежно присосался к принесенному бокалу свежего пива, делая вид, что не замечает устремленного на него буравящего взгляда собеседника. Между тем Хвата сравнение с султаном задело за живое. Он не как сыр в масле катался, он крутился белкой в колесе. Когда две женщины заявляют права на одного мужчину, их жизнь становится насыщеннее и интереснее, зато существование объекта их заботы и ласки превращается в ад крошечный. Вот Хват и очутился между двух огней. Из-за бесконечных выяснений отношений с Алисой и Катей он никак не мог сосредоточиться на цели, которую поставил перед собой, возвратившись в Москву. Месть. Хват не собирался прощать Никиту Сундукова и чеченского авторитета Гелхаева, по злой воле которых боевики умыкнули Алису. Получится ли расправиться с ними под бдительным присмотром бывших коллег из ГРУ?

Хват задумчиво потер переносицу.

– Скажите откровенно, зачем я вам понадобился? – спросил он, ощущая из всех вкусовых качеств пива лишь одно – горечь, горечь, сплошную горечь.

– Принято решение восстановить тебя в звании, – ответил Реутов, как ни в чем не бывало прихлебывая свое пиво.

Это было произнесено тихо, но прозвучало как гром с ясного неба.

– Очень трогательно. – Хват вымученно улыбнулся. – Только в управлении почему-то забыли поинтересоваться моим мнением.

– Эту ошибку нетрудно исправить, – сказал Реутов, улыбаясь так же криво, но другой половиной рта. – Считай, что я интересуюсь. Каким оно будет, твое мнение?

Ответить на этот вопрос было непросто. Отправленный в отставку, Хват чувствовал себя не совсем так, как тот боец, потери которого не заметил отряд. Его попросту вышибли из седла, вышибли свои же, и его сердце до сих пор обжигала обида за то, что он – здоровый, полный сил, способный буквально на все мужик – выброшен на свалку, вычеркнут из всех списков, заживо похоронен прежними боевыми товарищами. Несправедливое решение командиров было подобно удару в спину, которого никак не ждешь от тех, кому привык доверять слепо, безоговорочно. Возвратиться в строй? Служить тем, кто тебя предал?

– Я не вернусь обратно, – твердо произнес Хват. – Вы обратились не по адресу, товарищ полковник.

В глазах Реутова сверкнули сердитые огоньки, хотя выражение его малоподвижного лица оставалось при этом совершенно непроницаемым. Обветренный и морщинистый, как бывалый римский легионер, невозмутимый, как статуя, он молча глядел на собеседника. Лишь его седые, коротко стриженные волосы упрямо щетинились. Он ждал иного ответа.

– Я достаточно ясно объяснил свою позицию? – повысил голос Хват.

– Извини, не расслышал, – шутовски покаялся Реутов. – Староват стал, туговат на ухо. Мне показалось, что ты отказался восстановиться в звании капитана спецназа Главного разведывательного управления, а этого быть не может, потому что не может быть никогда. Ты уж не обессудь, повтори сказанное.

– Я не вернусь обратно! Ни при каких обстоятельствах! Ни за что!

Несмотря на всю свою профессиональную выдержку, Хват едва сдержался, чтобы не хватить кулаком по столу.

Некоторое время Реутов обдумывал услышанное, а когда заговорил, его лоб оказался иссеченным резко обозначившимися морщинами.

– Если бы мы с тобой сейчас водку пили, – глухо произнес он, – и ты ляпнул бы нечто в этом роде, я бы на тебя махнул рукой: мол, что с пьяного возьмешь? Но у нас на столе ничего крепче пива не наблюдается, а потому буду говорить с тобой как трезвый мужик с трезвым

мужиком. Ты свое слово сказал. Теперь послушай меня. – Подавшись вперед, Реутов понизил тон, отчего его хриплый голос зазвучал как угрожающее ворчание старого сторожевого пса, обучающего молодняк. – Есть такое старомодное понятие – честь. Нынче оно не в моде. Нынче хорошо живет лишь тем, кто собственной одноразовой честью подтерся и думать про нее забыл. Но ты, капитан, такими вещами бросаться не спеши. Честь, тем более офицерскую, ни за какие баксы не купишь, это тебе не портки от Версаче, не сморкальник от Живанши.

– А я ее пока что не терял, чтобы приобретать заново, – запальчиво возразил Хват.

– Тогда я повторю свой вопрос снова, а ты подумай чуток и ответь мне в третий раз. Пойдешь ко мне в команду террористов щемить?

– Я...

– Стоп-стоп-стоп!.. Говорю же тебе, подумай. – Реутов предостерегающе поднял ладонь. – Попей пивка, по сторонам погляди. Видишь, сколько народу по Тверской без дела шастает? Ты для такой жизни создан? Или шило в заднице еще не затупилось? Короче, соображай, делай свой окончательный выбор, капитан, потому как другой такой возможности у тебя больше не будет. Времени тебе дается десять минут. Оно пошло, время. Слышишь? Тикает...

Реутов демонстративно снял с руки и положил на стол свои издававшие виды «командирские» часы с дважды треснутым стеклышком.

Они еле слышно тикали. Время действительно шло.

* * *

По правде говоря, Реутов уже почти не сомневался в том, что его предложение будет принято, хотя, не подавая виду, продолжал хмуриться, преувеличенно играя бровями.

Тики-так, тики-так...

Настоящий спецназовец никогда не променяет службу отечеству на синекуру в охранном агентстве или карьере киллера-одиночки. Так уж учили их всех родину любить – и мытьем, и катаньем. Кто не выучился, тот давно к иным хозяевам перебежал, с виду благополучным, гниловатым внутри. Хват же явно не принадлежал ни к лакейской породе телохранителей, ни к волчьей разновидности людей, совершающих заказные преступления. Для таких, как Михаил Хват, чувство долга что-то вроде неразменной монеты: сколько долг ни выплачивай – все равно на потом столько же останется. Правильный мужик. Значит, и выбор сделает правильный. Лишь бы прошлые обиды не заглушили в нем голос совести.

Тики-так, тики-так...

Хват притворялся, что разглядывает вензеля на пивном бокале, а сам краешком глаза наблюдал за Реутовым. Вот же змей-искуситель! Знает, как правильно делать предложение, от которого невозможно отказаться. Не ахти какой стрелок, но командир идеальный – без тени высокомерия, тонко чувствующий разницу между доверительным отношением и панибратством, обладающий чувством юмора, энергичный, принципиальный. С виду полковник производил впечатление человека сильного, независимого, но излишне простоватого, даже недалекого, что было лишь обманчивой маской. Когда понадобится действовать, такой мужик начнет действовать, да так лихо, что молодые-зеленые будут только диву даваться. Еще бы! Полковник спецназа это вам не штабной герой, для которого в генеральский писсуар помочиться – уже подвиг из подвигов, о котором будет неоднократно поведано детям и внукам. Наверняка проще перечислить горячие точки, в которых Реутов воевал, чем те, где ему побывать не довелось. Но значит ли все это, что ему можно доверять?

Логика подсказывала: ни в коем случае. Интуиция твердила прямо противоположное.

Часы отсчитывали уже четвертую минуту.

– Сколько человек в вашей команде? – спросил Хват.

– Можешь считать, что двое, – ухмыльнулся Реутов. – Штатное расписание утверждено, но до полной укомплектации отдела еще далеко. Вот и получается, что есть пока ты да я, да мы с тобой. Я, умный, в кабинете, на дубовом паркете. Ты, дурак, на передовой, рискуя головой. Слыхал такую присказку?

– Не заговаривайте мне зубы, товарищ полковник. Речь шла об антитеррористической операции. Это что же получается? В ней только вы и я задействованы?

Лицо Реутова сделалось жестким:

– Нет. Но в подробности тебя посвящать не имею права, покуда ты сугубо штатским человеком остаешься. Скажу одно: если ты согласишься, то тебе предстоит сольная партия.

– Лебединая песня? – мрачно пошутил Хват.

– Ария под названием «И один в поле воин». Думаю, у тебя получится.

– На мне, что ли, белый свет клином сошелся?

– Можно сказать, что так оно и есть, – кивнул Реутов. – Спецназовцев старой закалки сейчас в управлении раз-два, и обчелся, а молодняк, сам знаешь, только гвозди лбами заколачивать способен да кавказским басурманам хребты ломать. Выучка теперь не та, одно название. Вот ты – совсем другое дело. Того здоровяка, который гвоздь в стену вгонит, сумеешь убедить его же и вытащить. Собственной задницей. – Реутов коротко хохотнул. – Короче, на тебя надежда. Решай, ветеран. Четыре минуты осталось.

– Сдается мне, что моих ровесников в ГРУ и без меня хватает, – поморщился Хват, который терпеть не мог комплиментов любого рода.

– Кто остался, тот без дела не сидит, сам знаешь. Ну, и вообще я другой подходящей кандидатуры не вижу. В упор...

Реутов указал растопыренными пальцами на свои глаза и отвернулся. Старый служака, он не мог взять в толк, как можно колебаться, когда тебе предлагают вернуться в строй, вместо того чтобы вхолостую растрачивать силы и умение на гражданке. Положа руку на сердце, Реутов не смог бы доходчиво объяснить, чем именно привлекает его столь ершистый, нелюдิมый и черствый тип, каким зарекомендовал себя Хват. Судя по его характеристикам, он не относился к числу людей, которых хочется называть своими закадычными друзьями. Но Реутов давно убедился в том, что умение дружить не ограничивается ободряющими похлопываниями по плечу и произнесением задушевных тостов. Хват явно не был мастаком ни в том, ни в другом. Зато он был честным. Надежным. Постоянным. И язык его не был раздвоенным, как сказали бы могокане, понимавшие толк в мужской дружбе.

Что же он скажет, когда истечет срок отведенного ему времени? Через три, нет, уже через две с половиной минуты...

* * *

Реутов с трудом заставил себя отвести глаза от циферблата часов. Даже себе самому он не желал признаваться в том, что согласие Хвата означает для него очень многое. Капитан был очень близок ему по духу. В натурах обоих присутствовало нечто такое, что объединяло этих абсолютно не похожих друг на друга мужчин. Заглянуть в глаза Хвату было все равно, что увидеть тайный опознавательный знак. В глубине этих зрачков крылась холодная отрешенность самурая, какие бы чувства ни отражались на поверхности.

В последнее время подобное выражение глаз Реутов видел не часто, поскольку мужчин этой редчайшей породы оставалось на земле все меньше и меньше. Имея счастье или несчастье столкнуться с ними, окружающие не догадывались о том, что имеют дело с опасными чудаками, готовыми рисковать не ради денег и славы и даже не ради утоления постоянного адреналинового голода, а во имя каких-то странных понятий о чести, долге, мужестве.

Сами эти безумцы интуитивно опознавали себе подобных, но никогда не излагали своих принципов посторонним. Зачем? Пусть глядят свои боевики и футбольные матчи, пусть коллекционируют женщин, оружие и автомобили, пусть хвастаются шрамами, играют мускулами и желваками. Все они умеются на одной планете – трусливые и отважные, дерзкие и поэтичные, богатые, бедные, сильные, хилые, лживые, умные, тупые, великодушные, мелочные, высокие и низкорослые, старые и молодые, воинственные и миролюбивые. Условно их можно подразделить на касты: вот любители пива, вот экстремалы, вот плэйбои, вот нувориши, а вот артистические натуры или те, кому снятся голубые города.

Как называется та каста, к которой принадлежали они с капитаном, полковник спецназа не знал – скорее всего, никакого названия и не было. Сейчас ему подумалось, что они оба просто безрассудные путники, задумавшие покорить вершину, с которой будет невозможно спуститься вниз. Что они обретут там, кроме ощущения бесконечного внутреннего холода и готовности умереть в любой момент? Пожалуй, ничего. Ничего такого, что можно было бы пощупать, положить в бумажник или на полку. Именно поэтому каждое новое мгновение, неумолимо отсчитываемое секундной стрелкой, заставляло Реутова напрягаться все сильнее и сильнее. Он превращался в подобие туго свернутой пружины, хотя внешне никак не показывал этого. И когда наконец прозвучало: «Уговорили, товарищ полковник, я ваш с потрохами», – Реутов незаметно перевел дух.

– Умеешь себе цену набивать, капитан, – проворчал он. Секундная стрелка завершила свой последний оборот даже раньше, чем браслет часов вновь защелкнулся на его запястье.

– Цена моя рубль с полтиною в базарный день, – безмятежно ухмыльнулся Хват. – Думается, что примерно такое нынче жалованье у капитана спецназа ГРУ. Эх, лучше бы дьявол на мою душу позарился! Уж с него бы я содрал миллионов эдак пять.

– Ошибаешься, – парировал Реутов, пряча улыбку. – Дьявол бы и гроша ломаного за твою душу не заплатил.

– Это почему же? Порченная она, что ли?

– Грешная, капитан, вдоль и поперек грешная, до последней фибры. Как, впрочем, у любого спецназовца. Для чего дьяволу тратиться, когда у него подобного добра и без того в аду хватает?

– Если и так, – молвил Хват, ухмыляясь еще шире, – то там для нашего брата специальное отделение оборудовано. На манер военного полигона. Нас, грешных, из всех видов оружия молотят, травят, жгут, топят, а мы – живые и помирать никак не желаем.

– Потому что не было свыше такого приказа, – продолжил Реутов. – И не будет, капитан, не надейся. Сам это пекло выбрал, терпи, не жалуйся.

– Выходит, мы с вами ненормальные, товарищ полковник? Психи-одиночки?

Против того, что он псих, Реутов в принципе не возражал, хотя, конечно, все зависит от того, с какой колокольни глядеть на некоторые вещи. А вот насчет одиночества он мог бы поспорить, если бы возникло такое желание. Какой же он одиночка? Ведь рядом с ним находился Михаил Хват, еще даже не начавший штурм очередной вершины, но уже готовый, не раздумывая, шагнуть в пропасть, когда это потребуется.

Глава четвертая

Как заявил спикер Совета Федерации, Президент РФ отныне может задействовать Главное разведывательное управление (ГРУ) Генштаба не только при проведении военных операций, но для обеспечения безопасности государства в мирное время. Соответствующее постановление принято парламентом после письменного Обращения Президента в СФ. Оно не имеет какого-то ограничения по временным срокам и территориальным признакам. Силловые акции планируется проводить против любых экстремистских, националистических и террористических организаций, угрожающих России и ее гражданам. Западные специалисты предупреждают: ГРУ будет действовать жестко и целенаправленно. Недоброжелатели называют это возвратом к тоталитаризму, но спикер СФ подчеркнул: «Спецслужбы и подразделения ГРУ будут использоваться исключительно для защиты российских граждан в соответствии с частью 3 статьи 10 закона «О противодействии терроризму». Надо ли говорить, что из всех спецслужб именно специалисты ГРУ имеют наивысшую квалификацию, а сама организация давно превзошла в профессионализме ФСБ и Службу внешней разведки. Приоритет в ГРУ отдается силовой деятельности, тогда как в СВР работают специалисты по политической разведке, а ФСБ выполняет главным образом контрразведывательные и охранные функции. Таким образом, государство намерено дать решительный и беспощадный бой.

Сообщение РИА «новости, дайджест».

* * *

Минувшей ночью Реутов досконально ознакомился с личным делом Михаила Алексеевича Хвата, успевшего обзавестись тремя орденами и двумя тяжелыми ранениями до того, как был уволен из рядов вооруженных сил за невыполнение приказа. Произошло это во время боевых действий в Кодорском ущелье. Чересчур принципиальным оказался капитан, чуток не дотянувший до майора. А ситуация была аховая, не до воспитательных бесед. Грузия и Абхазия были близки к началу полномасштабных боевых действий, между ними вклинились российские миротворцы, а вокруг мелькали голубые каски ооновцев, за которыми угадывались очертания воинственной громады НАТО. По горам гуляло эхо разноязычных приказов, 107-й пост, разделяющий верхнюю и нижнюю зоны ущелья, превратился в пороховую бочку, а миротворческий контингент России, засевший там, был спешно пополнен спецназовцами ГРУ.

Командовал ими капитан Хват. Очутился он в обстановке, приближенной к боевой. На высшем международном уровне велись раздраженные переговоры, грузины то обещали вывести войска, то грозились перебить абхазов, представители ООН только и ждали, чтобы у российских миротворцев сдали нервы, из Москвы ежеминутно звонили, призывая не поддаваться на провокации. И вдруг разведчики Хвата доставили в штаб командующего КСМП десяток американцев, действовавших в Кодоре под эгидой ООН. Они нарушили границу и незаконно проникли на территорию Абхазии, а спецназовцы ГРУ их обезоружили и скрутили. Более того, капитан Хват сумел разговорить пленников и заставил дать показания перед видеокамерой.

Из показаний следовало, что никакие они не ооновцы, а военнослужащие США, – это раз. Что им приказали затеять ночную перестрелку и отступить, – это два. Что утром поднимется жуткий скандал по факту нападения России на представителей международной организации, – это три. У американцев уже и будущие раненые были назначены, которых собирались маленько подырявить из «АКМов» для достоверности. Но видеозаписи, представленные Хватом, спутали американцам карты. Российский президент немедленно связался с американским, тот пошел на попятную, извинился, открестился, предложил страсти не нагнетать, конфликт в ущелье заморозить и продолжать сотрудничество в самозабвенной борьбе с международным терроризмом.

Тут бы Хвату в военторге майорские звезды покупать, а он инцидент замять отказался, пленным отпускать не захотел, потребовал, чтобы их арестовали и предали суду как диверсантов и шпионов. Пришлось срочно убирать несговорчивого капитана со сцены, чтобы не портить отношения Кремля с Белым домом и чтобы другим офицерам было неповадно своевольничать. Его вышибли на гражданку с треском, как злого нарушителя воинской дисциплины. От трибунала его спасло заступничество высоких чинов в ГРУ, но восстановиться с их помощью капитан даже не попытался, очень уж он оказался гордый да обидчивый.

Уйдя в запас, он некоторое время проживал в Москве вместе с сестрой, подрабатывая в различных охранных агентствах. Деньги капитану запаса платили не ахти какие, поэтому, когда ему было предложено совершить вылазку в Чечню и раздобыть похищенный у замначштаба компьютер с планом секретной операции, он согласился. Попутно было уничтожено немало боевиков во главе с их вожаком по прозвищу Черный Ворон, а в итоге Хват выполнил и главное задание – как вскоре выяснилось, на свою беду. Генералы штаба Северо-Кавказского военного округа решили, что теперь он знает о них слишком много, и предприняли попытки избавиться от наемного воина. Однако Хват не только выжил сам, но заодно вывел из Чечни молодую жену поп-певца Никиты Сундукова, которой чеченцы поручили взломать защиту компьютера. Ту самую Алису, о которой он продолжал заботиться и в мирной жизни. Зачем? Ведь трудно представить себе пару менее подходящую, чем та, которую составляли боевой офицер и современная фифа, порочная и шебутная, как вся нынешняя молодежь.

Причуда? Бзик? Заскок? Если и так, то это была не самая удивительная странность, которая обнаруживалась при обстоятельном ознакомлении с биографией Михаила Хвата.

Психофизическое заключение, сделанное еще лет пятнадцать назад, свидетельствовало о некой феноменальной особенности нервной системы капитана. Он был начисто лишен способности испытывать нормальный человеческий страх. По сути своей, это был столь же серьезный изъян для сотрудника ГРУ, как, скажем, отсутствие любой конечности. Ведь страх – это не нечто постыдное, а естественная защитная функция организма. Страх – незаменимое качество, если боец умеет подчинять его себе. Это сигнал об опасности. Человек, не испытывающий страха, даже в обычную разведку не годен, не говоря уже о службе в войсках специального назначения.

Хват в привычные рамки не укладывался. В этом нетрудно было убедиться, ознакомившись с результатами психофизических тренировок, прилагавшихся к делу. На спецназовской терминологии это был так называемый КПД – комплекс приемов и действий, выполняемых в условиях повышенной опасности и связанных со значительными физическими и психическими напряжениями.

Хват озадачил инструкторов уже в ходе самых первых испытаний для желторотых юнцов. То был несложный традиционный опыт, проводившийся над всеми новичками. Вначале боец строевым шагом проходил по широкой доске, лежащей на земле, а инструктор засекал время прохождения на секундомере. Затем бойцу предлагалось пройти по той же доске, но уже на десятиметровой высоте – над бетонными плитами, оцетинившимися прутьями арматуры. Разумеется, вторая прогулка занимала времени значительно больше.

Собственно говоря, она производилась лишь для того, чтобы объяснить молодняку простую истину: опасность давит на человеческую психику, страх мешает точности и скорости выполнения даже самых простеньких упражнений. Делался вывод: научившись побеждать страх, боец сможет преодолевать любые препятствия. Элементарно, Ватсон. Но только не в случае с Михаилом Хватом, который при прохождении доски на высоте затратил ровно столько же времени, сколько на земле, тютелька в тютельку.

Его тут же повторно освидетельствовала медкомиссия, но каких-либо иных отклонений в психике Хвата не обнаружилось, поэтому было решено продолжать наблюдение. Странного курсанта погрузили в самолет вместе с остальными и подняли на высоту 3000 метров, откуда всем предстояло совершить свой первый прыжок с парашютом. Около половины курсантов позеленели от страха, что было вполне нормальной реакцией на врожденную боязнь высоты. Если подчиниться страху, то с человеком начинают твориться пренеприятнейшие метаморфозы, превращающие царя природы в тварь дрожащую. С некоторыми нечто вроде этого и происходило, так что их приходилось силой выталкивать наружу, но это была привычная процедура. Хват же шагнул за борт самолета самостоятельно, без колебаний, хотя и без показной удали. Ему действительно не было ни капельки страшно, вот что самое поразительное! Ведь к страху привыкают постепенно, как к купанию в ледяной воде. Даже совершая десятый прыжок с парашютом, человек не перестает бояться, хотя страх больше над ним не господин, а лишь тот «звоночек», который предупреждает бойца об опасности, помогает ему быстрее принимать единственно верное решение в рискованной ситуации.

Все это было так... или почти так. Потому что в случае с Хватом инструкторам приходилось поступать прямо противоположным образом. С самого начала его стремились научить бояться, устраивая ему схватки на краю пропастей, форсирование горных рек без страховки, проходы через горящие здания, преодоления полос препятствий под огнем «неприятеля», внезапные рукопашные, автомобильные аварии и прочие ловушки. Как только Хват справлялся с очередным тестом, его подключали к аппаратуре, пытались обнаружить признаки пережитого стресса, но все напрасно. С таким же успехом можно было бы исследовать изменения в психике терминатора, выполнившего свою очередную миссию.

Присутствуя в поведении этого удивительного курсанта хотя бы намек на дерзость, высокомерие или позерство, он был бы немедленно отчислен из училища, но парень сохранял полную естественность, что подкупило его будущих командиров. «Ничего, еще научится бояться», – сказали они и оказались правы. В дальнейшем выяснилось, что Хват действительно умеет испытывать страх. Правда не за себя – за исход порученного задания, за жизнь подчиненных, за безопасность мирного населения, находящегося в зоне боевых действий. Эта мягкость в сочетании с личным бесстрашием сыграла с ним ту самую злую шутку, в результате которой спецназовец оказался в отставке.

Полковник Реутов полагал, что ГРУ не имеет права разбрасываться столь уникальными кадрами и, будучи привлеченным к проведению операции в Москве, твердо высказался за кандидатуру Хвата. Ознакомившись с его личной характеристикой, руководство дало «добро». Ничего удивительного. Этот человек по всем параметрам подходил для выполнения поставленной задачи. Основные моменты из его личного дела Реутов запомнил практически дословно.

...Внешне Михаил Хват не производит впечатление чересчур опасного или беспощадного противника. Умеет напустить на себя показное благодушие, вводящее в заблуждение окружающих... Перед женщинами предпочитает представлять в образе повесы и балагура, стремясь скрывать свои истинные чувства. Близких отношений с людьми не заводит,

инстинктивно избегая моральных травм, которые могут причинить их измены или предательства...

...Из двух десятков опрошенных одноклассников и друзей детства ни один из них не охарактеризовал Хвата как симпатичную, привлекательную, обаятельную личность. Вместе с тем семеро из девяти опрошенных лиц мужского пола высказались в том смысле, что они считают Хвата «надежным товарищем, с которым они пошли бы в разведку». Весьма примечательный факт, учитывая, что с половиной сверстников Михаил Хват в юности находился в состоянии непрекращающихся конфликтов...

...При изучении его лица на групповых снимках легко заметить, что оно абсолютно не соответствует общему улыбчивому выражению. В обыденной обстановке М. Хват сохраняет отстраненную, почти угрюмую мину, удерживающую посторонних людей от вступления в контакт со столь замкнутым человеком. Это одна из масок Хвата, носимая им с раннего детства...

...Служивцы по Балашихинскому учебному центру «Вымпел» вспоминают, что им с трудом удавалось выдерживать взгляд Михаила Хвата в критических ситуациях. Некоторые из них характеризуют его глаза как «хищные», «звериные» или «рысьи»...

...Отлично владеет всеми видами оружия и рукопашного боя. Неоднократно демонстрировал чудеса выносливости при совершении длительных переходов на лыжах и марш-бросков по пересеченной местности... Обладает врожденной потребностью в преодолении сложных препятствий и повышенных физических нагрузок... Проявляет готовность к схватке с численно превосходящим противником...

...Психически устойчив. Обладая покладистым, неприхотливым характером, является ярко выраженным индивидуалистом. Не всегда адекватно ведет себя при коллективных действиях. Наиболее пригоден для проведения одиночных акций на фоне больших психических и физических нагрузок...

Последний пункт, кстати, во многом предопределил тот факт, что в распоряжение Реутова попал именно капитан Хват, а не кто-нибудь другой. Люди, как правило, делятся на прирожденных вожаков и «массовку», «стаю»; независимые герои в природе так же редки, как волки-одиночки, обладающие нахальством и мужеством полагаться лишь на собственные силы. Приручить такого, заставить ходить на задних лапках невозможно. Сделать союзником – всегда пожалуйста. Особенно если вы с ним одной крови и кровь эта горяча.

* * *

Плоское небо над Москвой приняло ту характерную предгрозовую окраску, на фоне которой все остальное казалось мертвенно-бледным, неправдоподобно четким и почти неузнаваемым, как будто все это виделось в зловещем сне или, того хуже, из потустороннего мира. Невесть откуда взявшийся ветер гонял по закоулкам крошечные смерчи, завывая штопором пыль и мусор. Кроны деревьев издавали тревожное шуршание, теряя первые пожелтевшие листья. Пешеходы непроизвольно сутулились и ускоряли шаг, автомобилисты норовили проскакать перекрестки на желтый свет, у бродячих собак хвосты сами собой поджимались между торопливо семенящих лап. Стало не то чтобы прохладно, но как-то неуютно.

Реутов и Хват, покинувшие кафе, приблизились к ближайшей уличной парковке, где полковник с некоторой неловкостью пригласил спутника в свою машину:

– Садись, капитан, прокатимся.

– Может, лучше пройдемся пешком? – заколебался Хват, с сомнением разглядывая неказистый реутовский автомобиль. За свои многочисленные заслуги перед разведывательным управлением полковник не удостоился ничего престижней фиолетовой «копейки», намотавшей на кардан не один десяток тысяч километров.

– Подними глаза, – посоветовал Реутов. – Все небо тучами затянуло. Охота тебе под кислотным столичным дождем мокнуть?

– В столичных пробках торчать тоже не очень-то тянет, – признался Хват, заглядывая внутрь «жигуленка», непонятно для какой надобности оснащенного дорогими кожаными чехлами и мощными колонками «Pioneer». – Современной музыкой увлекаетесь? – насторожился он, забравшись на пассажирское сиденье.

– Боже упаси, – открестился Реутов, включая зажигание. – Машина служебная. Понятия не имею, кто ездил на ней до меня. Возможно, этому парню приходилось по легенде изображать из себя лихого московского извозчика, включая на полную громкость всякую музыкальную хренотень.

Слушая болтовню полковника, взявшегося давать оценку попсе и шансону, Хват внимательно следил за маршрутом. Вот они свернули с Малой Дмитровки на Садовую-Каретную, у эстакады перестроились в правый ряд, за Театром кукол вырулили на Делегатскую, откуда «жигуленок» юркнул в Первый Волоконский переулок, чтобы на полном ходу выскочить на Самотеку. Тут, сразу за очередной эстакадой, притаился коварный милиционер, собирающий мзду с неосторожных автомобилистов, направляющихся в сторону Цветного бульвара. Как и предполагал Хват, инспектор не замедлил сделать отмашку, едва заприметив прыткую «копейку».

Он был подтянутым и ладным, но его румяные щеки плохо гармонировали с полосатым жезлом и синими погончиками с парой мелких звездочек.

– Ему бы с игрушечными машинками тешиться, а не взрослым дядям голову морочить, – проворчал Реутов, притормаживая.

– Покажите ему «корочку», он и отвяжется, – посоветовал Хват, наблюдая за неспешным приближением моложавого милиционера.

– Он и так отвяжется, салабон.

– Мы пили пиво, товарищ полковник, запашок наверняка присутствует. Вам нужны лишние неприятности?

– Мне – нет. А этот салабон, похоже, жить без них не может. Сам нарывается.

Хват покосился на Реутова, поведение которого показалось ему чуточку нарочитым. Так мог бы сыграть актер, которому немного стыдно за свою роль. Все на высоком профессиональном уровне, но без настоящей естественности. К чему этот театр?

Пока Хват пытался разобраться в своих ощущениях, приблизившийся милиционер козырнул и представился:

– Инспектор сорок первого отдела ГИБДД, лейтенант Пташук.

– Младший лейтенант, – уточнил Реутов, развалившись на своем сиденье в вальяжной до непристойности позе. – Причем слепой, как дедушка Гомер.

– Я – Гоме... Гомер? – милицейский голос дал «петуха».

– Ну не я же. Разуй глаза, младшой.

Реутов постучал пальцем по лобовому стеклу. На том месте, где обычно вывешивают талон о прохождении техосмотра, красовалась картонная карточка в белую, синюю и красную полосу. Поверх триколора шла многозначительная аббревиатура Государственной Думы.

– Что вы мне под нос свою бумажку тычете? – возмутился милиционер. – Права давайте. Техпаспорт.

– Я депутат, сынок, – грубо сказал Реутов. – Спешу на randevу с Владимиром Вольфовичем решать насущные вопросы внутренней и внешней политики, а ты палки в колеса вставляешь. Нехорошо.

Хват напряжился, все сильнее ощущая явную несуразность происходящего. Ну не мог полковник спецназа устраивать столь дешевое представление. Уже не театр, а прямо балаган какой-то. Или только видимость балагана?

Милицейский голос зазвенел от негодования:

– Не морочьте мне голову, гражданин, – заявил он, чутко поводя носом. – Вы пили спиртное и сели за руль в состоянии алкогольного опьянения. Па-апрашу ключи.

– Какого черта?

– Вот чертей давайте привлекать не будем, гражданин. Ваше автотранспортное средство представляет угрозу безопасности дорожного движения. Выходим для объяснений, скоренько. – Не вы, не вы, – прикрикнул Пташук на Хвата, лениво выбравшегося наружу.

Тот откликнулся на это демонстративным зевком. Балаган так балаган. Он тоже умеет валять дурака. Облокотившись на крышу «жигуленка», Хват поднял лицо к небу, откуда вот-вот должны были сорваться первые капли дождя. Воздух был пронзительно свеж и прохладен. Чувства Хвата – обострены до предела. Он был готов к любой провокации. Так их учили. Между прочим, посредством всевозможных инсценировок.

– Выходим, гражданин, выходим, – не унимался инспектор Пташук.

На пыльном асфальте появились темные точки, в небе раскатисто громыхнуло, словно кто-то прошелся кувалдой по жестяным крышам. Обстановка накалялась.

Выматерившись, Реутов покинул водительское сиденье и вступил в нудные выяснения отношений с милиционером. Тот, не вникая угрозам и увещаниям, требовательно выставил пятерню:

– Ключи от зажигания сюда, гражданин. Считайте, что вы уже приехали.

– Это ты приехал, младшой, – прорычал Реутов. – Приплыл, понял? Прощайся с погонами.

– Посмотрим.

– А чего смотреть, когда и так все ясно.

– Бу-бу-бу...

– Ду-ду-ду...

Пока продолжался этот незатейливый диалог, приткнувшуюся к бордюру «копейку» обогнал юркий продуктовый фургончик и, резко вильнув, затормозил в непосредственной близости от троих мужчин. Выбравшийся оттуда водитель хлопнул дверцей, перешел на тротуар и, не оглядываясь, зашагал прочь. Походка его была целеустремленной.

Хват отметил про себя быстрый милицейский взгляд, брошенный на удаляющегося парня, и окончательно утвердился в подозрении, что происходит неладное. Каждый из участников этой мизансцены действовал по заранее намеченному плану. Ни один нормальный водитель не остановится возле гаишника по собственной воле. Никакой хотя бы частично вменяемый гаишник не станет качать права в присутствии народного избранника. И не существует в природе боевых офицеров ГРУ, корчащих из себя важных шишек без особой на то нужды. Следовательно, такая нужда все же имелаась. Затевается проверка на вшивость? Реутов устроил этот спектакль, чтобы проверить боеготовность нового сотрудника?

Разумеется. Создается имитация нападения. Фургон служит идеальным транспортным средством для похищений среди бела дня. Также в нем может разместиться десяток нападающих. Наконец, в таких закрытых фургонах удобно хранить взрывчатку при проведении террористических актов. Какой именно сюрприз приготовлен для Хвата? Чем рассчиты-

вают огорошить его постановщики и актеры? Сейчас это выяснится. С минуты на минуту. С секунды на секунду.

* * *

Хват заложил руки за голову, потянулся и несколько раз повернулся из стороны в сторону, как это сделал бы человек, у которого затекла поясница. Он не глядел в сторону фургона, как не смотрел на препирающихся мужчин. Если их целью было усыпить бдительность Хвата, то пускай считают, что они своего добились. Он позевывает и не знает, чем себя занять. Его внимание рассеянно. Если его что-то и волнует, так это перспектива промокнуть под проливным дождем.

По крыше «Жигулей» забарабанили дождевые капли, тяжелые и редкие, как дробинки на излете. В небе снова угрожающе гроыхнуло, гоня шипучее, наэлектризованное эхо по ущельям улиц. Хват задрал голову, прикидываясь целиком поглощенным созерцанием молниеносных всполохов, пронзающих клубящиеся над крышами тучи. Между тем от его внимания не ускользал ни малейший жест, ни малейшее изменение интонаций доносящихся до него голосов.

– Если вы депутат, то тем более нельзя пьяному за руль, – бубнил инспектор Пташук. – Отдайте ключи, и разойдемся по-хорошему.

– А машина? – спрашивал Реутов. – Не могу же я ее бросить посреди улицы.

– Да кто на вашу ржавую «копейку» позарится!

– Попрошу без хамства!

– А вы на меня в суд подайте. В конституционный.

– И подам!

– Ага, так я вам и поверил. – Пташук сардонически расхохотался. – Депутат выискался! Да вас на этой рухляди на пушечный выстрел к Госдуме не подпустят. Не знаю я, на чем народные избранники ездят, что ли? Чайник ты, а не депутат, понял?

– А вот за чайника придется отвечать, – предупредил Реутов деревянным голосом смертельно оскорбленного человека.

На Пташука это подействовало. Извинившись, он опять перешел на «вы» и, в очередной раз потребовав ключи, пообещал:

– Что касается машины, то она будет доставлена на штрафстоянку, так что за ее сохранность можете не переживать.

– Я за тебя, придурка, переживаю, – вздохнул Реутов. – Ну чего ты привязался, голова твоя садовая? Я же только пивка хлебнул.

– Все равно не положено! Реакция не та.

– Реакция самая подходящая. Мы, депутаты, когда вмажем, очень живо на все реагируем. Америку можем на хрен послать. А можем закон о повышении зарплаты работникам ГИБДД принять. В первом чтении.

– Знаем, как вы законы принимаете. – Улучив момент, милиционер ловко нырнул в открытое окно «жигуленка», завладел ключом зажигания и, победно потрясая им, заявил: – Прения закончены. Оставайтесь возле машины. Сейчас вызову дежурный наряд, тогда посмотрим, кто из нас придурок, а кто умный.

– Белены объелся? – выкрикнул Реутов, попытавшись задержать милиционера за рукав, но тот, вывернувшись, попятился, доставая из кармана мобильный телефон.

По асфальту хлестнули дождевые струи, ветер подхватил и понес вдоль улицы дождевую пыль, потемнело так, что многие водители включили фары. Угольное небо озарялось почти беспрестанными вспышками молний. Оттуда несло громовое ворчание, точно

гигантский пес предупреждал о своей готовности задать хорошую взбучку земле и ее обитателям.

По правде говоря, они ее заслужили. Все вместе и по отдельности.

* * *

Инспектор ГИБДД, уронив жезл, вновь увернулся от наседающего Реутова и метнулся на проезжую часть, явно намереваясь пересечь улицу. Зачем? Разве ведут себя так гаишники? И почему до сих пор не вернулся шофер фургона? Идиотское положение. Прореагировать – значит позволить втянуть себя в дурацкий спектакль, о котором не скажешь, что он разыгран как по нотам. Но и оставаться в стороне больше нельзя, иначе это будет расценено как утрата профессиональных навыков.

Досадливо сплюнув, Хват устремился за милиционером, выставившим перед собой мобильник. Необычным был аппаратик. С допотопной антенкой, хотя вполне компактный, современных очертаний. Дистанционный взрыватель, замаскированный под телефон? Сомнительно, что настоящий, хотя чем черт не шутит.

Ветер яростно трепал прозрачную завесу хлынувшего дождя. Пташук стоял на середине дороги, дожидаясь просвета в сплошном потоке автомобилей. Ударяет или имитирует бегство? Как бы то ни было, больше Хват не колебался. Сработал бойцовский инстинкт. Рассудок подсказывал, что вмешиваться глупо, поскольку все идет по заранее разработанному сценарию, в котором ему, Хвату, отведена роль подопытного кролика. Кролик, скорее всего, так и торчал бы на месте, завороченно наблюдая за происходящим издали. Но капитан спецназа не мог позволить себе оставаться безучастным в критической ситуации. Даже если вероятность реальной опасности исчислялась десятками, а то и сотыми долями процента.

Один шанс из тысячи? Да хоть один из миллиона, черт его подери!

Втянув голову в плечи, Пташук побежал.

– Стой! – заорал Реутов.

Игнорируя его окрик, Хват тоже сорвался с места. Проскочив перед самым носом истерично взвизгнувшего джипа, он, не замедляя движения, перекатился через капот следующего автомобиля, даже не успевшего как следует притормозить. За лобовым стеклом прозрачно маячили белые лица, принадлежащие, казалось, не живым людям, а утопленникам. Хват услышал жалобный скулеж «дворников», мимолетно ощутил тепло радиатора и устремился дальше. Промежуток между прямоугольной глыбой автобуса и металлическим кузовом иномарки был не шире метра, но этого оказалось достаточно.

– Стой! – надрывался отставший Реутов.

Да пошел ты!

Проскользнув между бамперами, Хват выскочил на последний отрезок полосы препятствий. Все, кому он перешел дорогу, дружно ударили по клаксонам, издав нечто вроде негодующего улюлюканья. Послав им на бегу успокаивающий жест – «все в порядке, поезжайте дальше», – Хват выскочил на противоположный тротуар.

Подозрительный инспектор ГИБДД склонился над своим не менее подозрительным телефоном. Шлепая по мокрому асфальту, Хват накинулся на него в тот самый момент, когда электронная шарманка мобильного заиграла писклявую версию полонеза Огинского.

Та-ам, та-ра-ра-ра-рам-да-да-дам...

«Прощание с родиной», говоришь? Ну давай прощайся.

Хват взмахнул ногой. Удар вышиб телефон из милицейской руки и отправил его прыгать по лужам, как будто это не маленькое чудо техники было, а заваливающая мыльница в бане.

Та-ти-та-а, та-ри-ра-рам...

Еще один взмах. Второй удар пришелся по отвисшей челюсти милиционера. Он еще только падал навзничь, когда Хват добавил ему подошвой по колену.

– Все, все, – закричал подоспевший Реутов.

Как бы не так!

Поймав полковника за лацканы пиджака, Хват опрокинул его на тротуар, сетуя, что поблизости нет достаточно глубокой лужи.

Вы хотели посмотреть, каков я в деле? Смотрите и не обижайтесь.

– Лежать, – рывкнул Хват, подминая барахтающегося Реутова.

– Отставить! – просипел тот, жмурясь от секущих по лицу водяных струй.

Случайные прохожие останавливались или торопливо поворачивали обратно, не желая вмешиваться в уличную потасовку, не сулившую им ни славы, ни денег. Полная дама, наткнувшись на пиликающий телефон, отпрянула с такой неожиданной резвостью, что сломала каблук, и, приволакивая ногу, потрусила прочь, призывая присутствующих на помощь. Они на зов не спешили, держась в сторонке, почти невидимые из-за косо хлещущих струй дождя.

– Остынь! – сопел Реутов, тщетно пытаясь высвободиться из болевого захвата, посредством которого Хват удерживал его на месте. – Все закончилось, хватит валять дурака!

– Я еще даже не начинал по-настоящему, – мстительно заверил его Хват, пристукивая полковника об асфальт.

– Дай встать, слышишь?

– Вставать нельзя. Угроза теракта.

– Да не теракт это, капитан! Имитация, всего лишь имитация.

– Не могу знать, товарищ полковник, – пропыхтел Хват. – Обязан защищать своего командира до последнего.

– Ты же меня... Я же тебя...

Реутов только булькал, захлебываясь то ли от негодования, то ли от набегавшей в рот воды. Грозовая канонада почти стихла, но ливень припустил еще пуще, производя шипение, напоминающее змеиное. Лужи кипели, мир стал молочно-белым. Видимость сократилась до нескольких шагов. Сквозь эту белесую пелену прорвался насквозь промокший водитель фургона и, добежав до Хвата, вцепился ему в воротник.

– Угомонись, браток, мы свои, – приговаривал он.

Напрасно он испытывал судьбу. Боевого офицера за шкуру, как паршивого котенка?

Повернувшись волчком, Хват поймал чужие пальцы в матерчатую петлю перекрутившегося воротника, двинул локтем под ребра, сделал подсечку. Водитель упал, но к месту событий торопливо хромал Пташук, сыпя проклятиями. Его поврежденная нижняя челюсть двигалась вкривь и вкось.

Мокрый и злой как черт, Хват повалил привставшего Реутова и, сделав стойку на руках, встретил лжеинспектора сведенными вместе подошвами, превратившимися в подобие стенобитного тарана. Челюсть Пташука встала на место, зато его голова чуть не слетела с плеч и обзавелась, как минимум, сотрясением мозга третьей степени. Ее незадачливый обладатель рухнул, сочно впечатавшись в асфальт спиной и затылком.

– Да уймите вы этого психа! – завопил водитель фургона, массируя свою поврежденную печень, разбухшую до размеров говяжьей.

– Прекрати свои фокусы, капитан, – потребовал плюющийся дождевой водой Реутов. Успевший очутиться на ногах, Хват протянул ему раскрытую пятерню.

– Мир?

– Какой мир, на хрен, когда ты моих сотрудников чуть насмерть не залягал, лось бешеный!

– Грош цена тем сотрудникам, которые себя калечить позволяют, – буркнул Хват, вздергивая командира на ноги.

«*Бывшего* командира, – поправился он мысленно. – Кажется, с возвращением в ГРУ придется повременить. До следующего кармического воплощения».

– Убивать таких надо, – произнес он в сердцах.

– Ребята выполняли приказ, – вступился за подчиненных Реутов, безуспешно пытаясь отжать лоснящиеся от влаги штанины. – Он поискал взглядом водителя фургона. – Уваров, свободен. – Налившиеся кровью глаза Реутова устремились на Хвата. – А ты помоги Пташуку встать, и оба в машину, живо. Тут скоро вся Москва соберется на бесплатное представление поглядеть.

– Не я его затевал, – вызывающе напомнил Хват.

– Чтобы ты знал, так и не я тоже, капитан.

– А кто же?

– Главный режиссер нашего кукольного театра. – Реутов кивнул на сутулящиеся вокруг человеческие фигуры, на лица, прилипшие к окнам проезжающих мимо автомобилей.

– Президент, что ли? – недоверчиво спросил Хват.

– Президенты, они не режиссеры, а администраторы и продюсеры. Кукловоды, сам знаешь, не в Кремле штаны протирают.

– Ну, штаны у всей этой публики одинаковые. Добротные. Сносу не знают.

– Зато погляди, во что мои собственные благодаря тебе превратились. – Обиженно сопя, Реутов окинул взглядом свои изгвазданные брюки, после чего добавил уже другим, смягчившимся тоном: – Когда Пташука приведешь в чувство, трубку прихватить не забудь. Она нам еще понадобится.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.